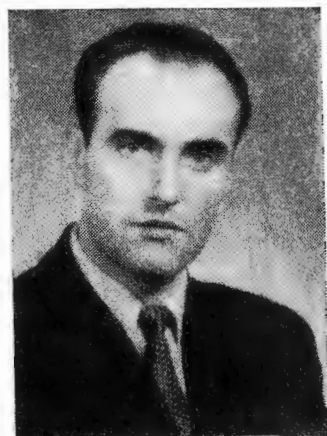

РЕПОРТАЖ ИЗ БУДУЩЕГО

ОТ АВТОРА

Известно ли вам, что такое репортаж? Это отчет о путешествии, о чрезвычайном происшествии, о футбольном матче, о научном открытии, о сражении, о стройке — о чем угодно, но с одним непременным условием: автор должен быть очевидцем того, что он описывает. Иначе получится рассказ, повесть, фантастический роман — что угодно, но только не репортаж. Можно ли, однако, быть очевидцем... будущего?

РЕПОРТАЖ ПЕРВЫЙ

ЦЕНТРОЛИТ

«— Но двигаться по Времени совершенно невозможно, вы никуда не уйдете от настоящего момента.

— Мой дорогой друг, в этом-то именно вы и ошибаетесь. В этом именно и ошибались все до сих пор...»

Герберт УЭЛЛС

Я ОТПРАВЛЯЮСЬ В БУДУЩЕЕ

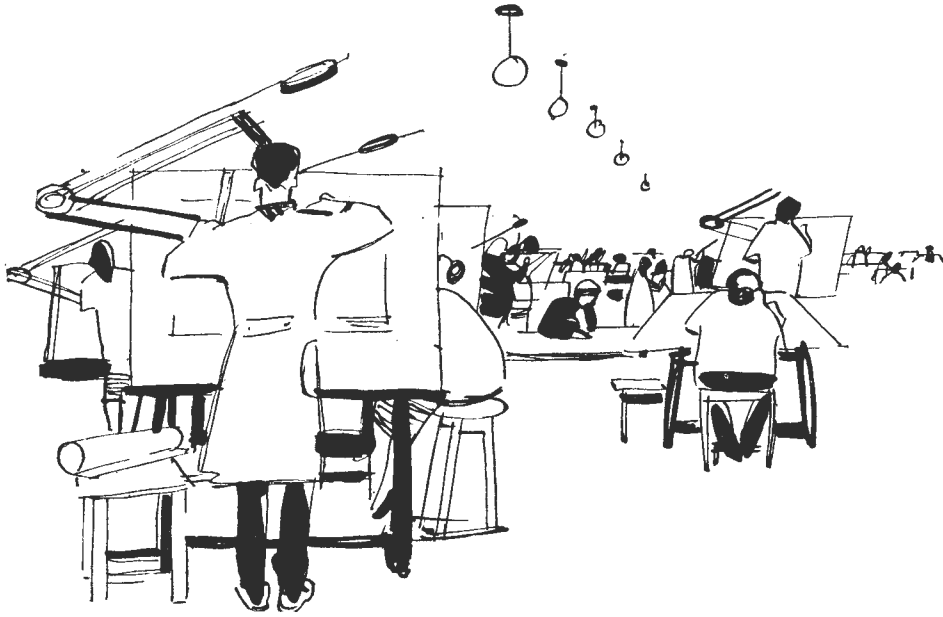
Машин времени не было. Ее вполне заменил московский троллейбус. Я вышел из троллейбуса у Калужской заставы, свернул в переулок и минут через десять остановился у приземистого серого дома. На двери висела табличка «ГИПРОСТАНОК».

Узкая лестница вела на второй этаж. Я шел по длинному серому коридору, справа и слева были двери. Открыв наугад

одну из них, я увидел большую комнату. Солнце щедро освещало ее. Комната могла бы показаться просторной, если бы не столы — чертежные столы сплошь заполняли ее. За столами работали люди. Их было много, человек, наверное, соток, если не больше. Шелестели листы бумаги, шуршали рейшины по доскам, в общий гул сливались негромкие разговоры людей.

— Лавров, ты сделал Вологду?

— Да нет же, у меня Канск в работе.

— Смотри, Лавров! До поездки в Вильнюс обязательно сдай Вологду, Канск и Стерлитамак...

Я тихонько прикрыл дверь. В этом неказистом здании действительно «делали» будущее городов — я не ошибся адресом. Теперь нужно было найти директора института.

Когда я вошел к нему, директор говорил по телефону. Он кивнул, указал на стул, а сам продолжал разговор. Говорил стоя и даже похаживал по кабинету, насколько позволял шнур.

— ...Что? Ну да, подите-ка сами вымойтесь за десять минут! Хотел бы я посмотреть! Слушайте: на этом заводе будут работать литейщики. «чумазы» литейщики, ясно вам? Так они не станут после смены очереди ждать, грязные пойдут домой... А я вам еще раз повторяю: на Центролите мы сделаем просторные душевые. Что? Конечно, буду критиковать! Это, позвольте вам напомнить, шестая пятилетка!

Он сердито бросил трубку на рычаг, сел в кресло, повернулся ко мне. Я представился и рассказал, что привело меня в «Гипростанок».

— Как создается будущее? — повторил директор. — А так вот и создается: спорим, ругаемся с утра до ночи. Каждый ведь понимает будущее по-своему, а на экскурсию «туда» людей не сводишь... Слышали

разговор? Строим, понимаете, новый, великолепный завод, а он экономит на душевых для рабочих. Есть еще у нас такие типы: завязнет по горло во вчерашнем дне и вылезать не желает. Ну, ничего, мы их силком оттуда вытащим!

Так начался наш разговор с Владимиром Михайловичем Зуевым.

...Давно мне хотелось рассказать читателям о рождении завода. Не с того торжественного момента, когда выходит из заводских ворот первый трактор, или станок, или отливка. И даже не с того дня, когда закладывается первый камень в фундамент. Нет, рассказать о рождении завода с самого начала, с замысла, с первого разговора.

— Что ж... Интересно, — сказал Зуев. — Только я на вашем месте взял бы тему пошире. Можно, конечно, писать об одном заводе. Но вот если б вам удалось на его примере показать всю нашу пятилетку... Вы понимаете мою мысль? Вскрыть, так сказать, механику пятилетки. Рассказать людям, как она делается.

Не прошло и получаса, директорский стол был завален схемами, планами, документами: Зуев выбирал завод. Пусть это будет завод новый, интересный, но в то же время обычный, каких много в стране. Пусть не в столице он строится, но и не на самом краю нашей земли. Пусть не гигант это будет, но

и не «заводинько». Чтобы действительно на примере его можно было проследить явления общие, типические для нашей жизни.

— А знаете, — сказал Зуев, — мой вам совет: берите Центролит.

— Не о нем ли вы спорили?

— Конечно, о нем. Это в самом деле интереснейший завод. Смотрите: в год производит пятьдесят тысяч тонн литья — продукция солидная. Завод оригинальный, прежде у нас таких не было... Ей-богу, берите Центролит! Он и в Директивах указан.

Мы снова заглянули в основную нашу путеводитель по будущему: да, в Директивах XX съезда партии значился этот завод. И даже не один: их было много, больше двух десятков таких заводов-братьев.

— Согласен, Владимир Михайлович. Считайте, что уговорили. Но он не один у вас. Какой же выбрать?

Директор «Гипростанка» раскрывал передо мной «механику» пятилетки. Особых секретов тут, впрочем, и не было. Далеко не все новостройки «поименно» названы в пятилетнем плане: их слишком много у нас. Есть на то еще один правительственный документ с названием, которое звучит поэтически: «Титул строительства будущих лет»... В нем перечислены уже все центролиты, указано местоположение каждо-

го и точный план производства.

Зуев называет заводы один за другим. Перечисляет те центролиты, проектирование которых поручено «Гипростанку», — их семь. Мы стоим у карты, ищем и находим кружочки городов. И тот интересен и этот хорош — какому отдать предпочтение? Пока я не выбрал завод, пока не привязался к нему душой, мне это в конце концов безразлично. И в Сибирь я поехал бы с удовольствием, и на север, в Вологду, и на запад, в Белоруссию, и на Южный Урал... Но постепенно возникает и все более крепнет одна мысль: какой город ни будет избран, я назову его Энском. А завод — Энским центролитом. Это ведь завод типический, каких много в стране. Значит, не столь уж важен его точный почтовый адрес.

Для нас ведь что важно? Литейного завода в городе Энске нет. Ни корпусов, ни станков, ни отливок — ровное место. Даже места, по сути, нет; инженеры туда не выезжали, и строительная площадка не выбрана. В сущности, никто еще толком не знает, каким он будет, этот новый завод: я застаю его в самом начале пути. Но он обозначен в пятилетнем плане, он назван по имени в «Титуле строительства будущих лет», о нем думают, заботятся, спорят, его хотят улучшить, его критикуют десятки людей. А можно ли критиковать то, чего нет? Энский центролит начал свою жизнь, и, следовательно, я имею право, как собирался, писать о нем не рассказ, не сказку, не фантастический роман, а самый настоящий репортаж.

— Знаете, что? — говорит Зуев. — Вам повезло. Завтра группа наших проектировщиков выезжает в Ленинград. Там, вдали от заседаний и телефонных звонков, они семь дней и семь ночей будут сочинять центролиты. Свяжитесь с Сахаровым: он возглавляет группу. Поезжайте с ними, и вы все увидите своими глазами.

Снова я иду по длинному коридору: мне нужно сегодня же найти Сахарова. Но только я собираюсь спросить у кого-нибудь, где его кабинет, как замечаю странную процессию, которая движется мне навстречу.

Впереди выступает массивный мужчина в синем берете. На полшага позади поторапливается юркий молодой человек с гладко зализанными волосами. За ними топают дюжие молодцы с киноаппаратами через плечо, скрипят тележки с «Юпитерами» — в институт прикатила кинохроника...

Быть может, вы скажете, что это пустяковый эпизод. Быть может, вы обидитесь за дружную семью кинохроникеров. Что ж, я соглашусь с вами: случай этот действительно не очень важен и не имеет, как говорится, прямого отношения к нашей теме. А люди с киноаппаратами действительно хорошо делают свое дело. Они смело раздвинули для нас границы мира, показали полюса, океаны, горы, пустыни, дальние страны, — все это правильно. Только кто сказал, что не нужно писать об исключениях из правил?.. Случай этот мноному научил меня в самом начале путешествия в будущее, и потому я все же расскажу о нем.

Итак, юркий молодой человек открывал дверь, синий берет просовывался внутрь комнаты, все приостанавливалось в ожидании.

— Не то, — говорил глава хроникеров, и процессия двинулась дальше. — Тесно, — бросал он у следующей двери. — Темно... Некрасиво... Не пойдет... Нет! — Формулировки его отличались завидным лаконизмом.

Наконец распахнута была дверь, которую и я в тот день отворял ненароком, — дверь большого зала. Тут они застряли надолго. Синий берет остановился на пороге, заложил руки за спину и с явным удовольствием оглядывал широкие окна, светлые стены, высокий, чистый потолок.

— Ну вот, — говорил он. — Это то, что нам нужно. Это нам подойдет. Это будет эффектно. Значит, так. В простенках надо развесить проекты. Что-нибудь этакое... с фонтанами, зеленью — это оживляет. Улавливаете? Дальше: шельковые занавеси на окна. Дальше...

Молодой человек поспешно записывал. Остальные кинематографисты тем временем просачивались меж тесно стоящих столов. В зале началось движение. Девушки-чертежницы достали зеркальца, кто-то торопливо пудрил нос, кто-то в сроч-

ном порядке взбивал локоны; лысый инженер у окна за нимением прически поправлял галстук... Что вы ни говорите, а попасть на экран и, придя в кино с сугругой, узреть вдруг собственную физиономию — это все-таки приятно.

— Вот только... — продолжал берет. — Здесь многовато столов. Нам столько не нужно. Обдумывая свои проекты, инженеры будут у нас ходить по залу. Улавливаете? Творить, так сказать, свободно, артистически... Значит, так. — Он повернулся к своему юркому адъютанту. — Часть столов убрать! Оставить пять штук. Или нет, восемь — это будет в самый раз.

Молодой человек с треском захлопнул свой блокнотик: взгляд его выражал восторженную готовность к действию. Подошли к шефу, стали плечом к плечу дюжие молодцы. Казалось, мигни он им сейчас — и в мгновение ока тридцать или сорок столов вместе с чертежами, а заодно и с людьми, которые сделали эти чертежи, будут вышвырнуты в узкий коридор. Но тут подошел к кинематографистам высокий инженер в вишневом свитере. Был он кареглаз, кудряв, очень спокоен, пожалуй, даже улыбчив.

— Будем, значит, лакировать действительность? — весело спросил он.

— Ну зачем же так... Сюжет наш, как вам известно, называется «Люди, создающие будущее». Ваш институт увидит с экрана вся страна. Поймите, не можем же мы...

— Почему не можете?

— Видите ли... — Синий берет выбирал слова. — Зал у вас большой, много света — это, конечно, хорошо. Но, с другой стороны, у вас ведь в некотором роде тесновато.

— Кошмар, — спокойно подтвердил инженер.

— Вот видите, и вы со мной согласны. А вы должны показать народу передовое проектное бюро. Улавливаете? Распахнуть, знаете, двери в грядущее. И тут некоторое, так сказать, преувеличение — вполне допустимый прием. Я бы даже сказал: законный прием. Наша общая задача...

Инженер с улыбкой слушал объяснения.

— Вы кончили? — спросил он. — Теперь меня послушайте. Ни один стол отсюда не уйдет. Или вы снимете нас такими, ка-

кие мы есть, или... заходите через сто лет. Улавливаете? Грядущее — так уж грядущее!

Кинематографисты с грохотом удалились.

Давайте теперь подумаем вместе: что же произошло?

Они ведь взяли верную тему: проектировщики и впрямь создают будущее, тут нет преувеличения. Только при этом проектировщики твердо, двумя ногами стоят на нашей сегодняшней грешной земле — вот о чем нельзя забывать. Во имя того, чтобы хорошим был завтрашний день, люди переживают временные трудности, не устройства быта. Нынешние нехватки путаются у них в ногах и все-таки они идут и идут вперед — тем благороднее их подвиг. Будущее делать совсем не легко, будущее рождается в суровой борьбе. Этого-то и не хотели понять хроникеры, приехавшие в «Гипростанок». Дорогу в грядущее они непременно хотели представить в виде прямого и гладкого шоссе, по которому маршируют с бодрыми песнями.

Мы запомним их ошибку, пусть она послужит нам уроком...

Молоденькая девушка стояла у окна, провожая взглядом киноаппараты, «Юпитеры», берты. У девушки были грустные глаза.

— Скажите, пожалуйста, — спросил я у нее, — кто этот инженер, который запретил выносить столы?

— А наш начальник техотдела, — сказала девушка, — Григорий Михайлович Сахаров.

МОИ СПУТНИКИ

И вам будущее подавай? — комически воскликнул Сахаров, когда я подошел к нему.

— Да, меня интересует будущее, — сказал я. — Но столов обещаю вам не выносить.

— А сможете?

— Постараюсь. Но мне нужна ваша помощь.

И вот мы сидим с ним, беседуем.

— Григорий Михайлович, вы давно строите заводы?

— Дайте вспомнить, — говорит он. — Начал я еще на студенческой скамье... Да, в общем, выходит двадцать седьмой год.

Значит, этот человек выглядит моложе своих лет. На вид

никак не больше сорока, сорока двух. Но не мог же он строить заводы с пятнадцати.

— Что вы строили?

— Долго придется вспоминать. Я еще до войны как-то подсчитал: десять тысяч чертежей прошли через мои руки.

— А все-таки?

— Ну что ж... Цементный гигант в Амвросиевке, слышали? Строил, выезжал на место. Харьковский тракторный — студентом еще делал рабочие чертежи. Ну, завод комбайнов в Запорожье. Потом шлакоцементный в Краматорске. Потом обувные фабрики проектировал в Новосибирске, Кузнецке, Свердловске. И еще, кажется, в Тбилиси — это уж 1933 год...

Мой собеседник увлекается, встает с места. Улыбается каким-то своим мыслям. Глядя на него, я начинаю понимать, почему он так молод. Это, сразу видно, живой человек! Подвижной, веселый, шумный.

— Какие-то кожевенные заводы делал, не помню где. Музыкальные фабрики проектировал. Где? А черт его знает где: все перепуталось. Одна будто тоже в Тбилиси. Затем был завод в Ижевске — оружейный. В Чите еще делал этот, как его... овчинно-шубный. В Усолье-Сибирском какой-то завод, чуть ли не деревообделочный комбинат...

Сахаров рассказывает все это, веселясь от души. Впечатление такое, что ему и самому странно обилие заводов, которые прошли через его руки. Шел, шел человек, поднимался со ступеньки на ступеньку, работал день, месяц, год, двадцать семь лет... и вот приостановился, оглянулся назад: ба, да тут все пятилетки перед глазами! Они гремели за окнами проектных бюро, а он, как сотни его сотоварищей, готовил чертежи для новостроев. Все эти годы он придумывал будущее — будущее, которое для нас давно уж стало настоящим. Карандаш жил в его крепких пальцах, сидел, как влитой, схемы его отличались изяществом, линии — четкостью, наброски цехов — ясностью (впоследствии я видел, как он работает).

— Потом война... Тут, знаете, все приходилось делать. Да-да! Проектируешь станкостроительный завод, а он выпускает автоматы для армии, пресса штампуют броню, в литейных отливаются мины! Так что те-

перь и не скажешь, что мы строили. И города снялись с мест, пошли гулять по карте. В Чимкенте пришлось мне делать Воронежский завод пресов, в Ташкенте — Ленинградский абразивный, в том же Ташкенте — карборундовый завод, эвакуированный из Запорожья... После войны, между прочим, мне пришлось тот же карборундовый проектировать в Запорожье.

Но восстановление началось для него раньше, много раньше: он ведь по самой «должности» своей смотрел всегда вперед. Еще гремели пушки, еще взрывались авиабомбы, когда зазвучали в комнатах «Гипростанка» имена городов, разбитых, сожженных, обескровленных. Ленинград, Луга, Витебск, Минск, Таганрог, Одесса — один за другим ложились на бумагу проекты послевоенных заводов. Но теперь работа велась с новым размахом. Прежде сказать: «Я делаю Ленинград» — значило сказать все: в институте делался один ленинградский завод. Теперь заводы проектировались группами и говорить приходилось иначе: «Я делаю Ленинградский завод автоматов», или «Ленстанколит», или «Ленинградский имени Свердлова»...

В 1945 году Сахаров был уже начальником техотдела «Гипростанка». Это значило, что отныне ни один проект не мог миновать его придирчивого взгляда. А в ту пятилетку началось типовое проектирование, и это значило, что один и тот же проект мог осуществляться сразу в нескольких городах, один и тот же типовой цех мог войти в состав многих заводов. Они строились, эти заводы, в Рязани, Воронеже, Коломне, Днепропетровске, Тбилиси, Ульяновске, Азове, Чкалове... Сахаров выезжал на выбор площадок, видел затем, как рылись котлованы, возводились стены, монтировались эстакады, устанавливались станки...

«Как, товарищ инженер, — спросил его в Днепропетровске местный шофер, когда они выбирали площадку, — будет завод?»

Вокруг была степь, грязно-серая, изрытая бомбовыми воронками.

«Будет, — сказал Сахаров. — Ей-богу, будет! Можешь считать себя крестным отцом».

Сейчас этот завод уже достраивается.

Жизнь инженера трудная, всегда напряженная, интересная жизнь... Пришло же время, когда почта начала доставлять в «Гипростанок» толстые пакеты с мудреными, сверху вниз надписями. И Сахаров вскакивал с места, вызывал проектантов из Ленинграда, Харькова, Киева, затевал горячие споры, шумел: «Вы меня зарежете! Скоро вы сдадите Первый Мукденский? Китайские товарищи требуют чертежи». А за Первым следовал Второй Мукденский, тоже станкостроительный. И карбуродовый для Румынии, и заводы для Польши, Вьетнама, Индии...

— Кошмар! — сказал Сахаров (видно, это было его излюбленное слово). — Чего я только не строил!

— Григорий Михайлович, последний вопрос: с чего вы начнете проектирование централитов?

— А кто вам сказал, что начну я? — улыбнулся он. — Проектирование — дело коллегиальное. Тут, знаете, ум — хорошо, два — лучше, десять — еще лучше, а сто — совсем хорошо. Один человек в наши дни бессильен. Ну, как бы вам объяснить... Раньше ведь литейный цех строился как? Ставили кирпичную коробку, ставили вагранку, кран, сушило — и будь здоров. И для нас, строителей, что литейный цех, что инструментальный, было, в сущности, все едино. И там и там — пол, стены, крыша. А нынешний завод — сложный организм. Тут уж прежде всего нужно решить всю технологию, механизацию, автоматику — словом, всю «начинку» завода. Понимаете? Этим одновременно с механиками, сантехниками, энергетиками, сметчиками и, разумеется, строителями займется Виктор Михайлович Шестопап, наш главный металлург.

— Он едет в Ленинград?

— Шестопап? Конечно, едет.

☆

— Мистер Честопул! Присоединитесь, мистер Честопул! Мы подъезжаем к Филадельфии.

Но он не сразу проснулся. Всякий раз перед пробуждением ему приходилось собираться с мыслями. Он даже приучил себя лежать какое-то время с закрытыми глазами. «Значит, так, — думал он. — Я в Америке. И еду не в трамвае по Мясницкой, а в поезде из Детрой-

та в Филадельфию. Говорить надо по-английски».

Он открыл глаза и благодарно улыбнулся негру-проводнику, старому, седому, как лунь, который не забыл разбудить его.

— Сэнкю!

И вот он стоит с чемоданчиком на привозкальной площадке. Один, совершенно один. Вокруг на тысячи верст Америка. Его впервые послали в самостоятельную поездку. Ему очень неуютно. Он подзывает такси.

— Пожалуйста, в отель.

— В какой?

На мгновение он задумался. Особых инструкций на сей счет не было. Была одна, главная: «Во всех случаях жизни держи высоко честь Советского государства. Помни: ты здесь его представитель!»

— В лучший отель, — говорит он.

Шофер почему-то улыбнулся. Машина остановилась на живописной лужайке. Вокруг был старинный парк, густолистый, ухоженный. На пригорке среди деревьев стоял сверкающий, почти нереальный дворец. «Черт возьми, куда меня привезли!» — хотел воскликнуть приезжий, но уже распахнулись массивные двери, и навстречу ему вышел осанистый джентльмен, седовласый, в смокинге. Если бы сейчас объявили, что это сам президент Соединенных Штатов, путешественник наш, пожалуй бы, не удивился.

— Бельюстредфорд приветствует вас, сэр! — громко провозгласил джентльмен и с необыкновенной учтивостью поклонился гостю.

Дальше все делалось само собой, словно бы во сне. Чемодан приезжего был подхвачен швейцаром, и самого его ввели с почетом в просторный холл. Он вспомнил, что не успел расплатиться с шофером, и с удивлением услышал:

— Не беспокойтесь, сэр, ему уплачено.

Все это было странно.

— Скажите, это гостиница?

— Да, сэр. Лучшая в Штатах. У нас останавливаются королевские особы.

Отступать было поздно.

— Какие у вас есть свободные номера?

— О сэр! — Джентльмен в смокинге, оказавшийся портье этой гостиницы, с удовольствием давал объяснения. — Извольте посмотреть столларовый номер, не так давно в нем

жил неделю румынский король...

Час от часу не легче: ссысьот долларов за неделю! Да он тут быстро прогорит.

— Есть номер-люкс за сто пятьдесят долларов, в нем останавливается обычно король нефти, мистер...

— Нет-нет, я не сторонник излишней роскоши!

Наконец нашелся номер за двадцать долларов в сутки. Дешевле здесь не было. Имя «мистера Честопула» занесли в сафьяновую книгу, а самого его молчаливый лакей проводил в апартаменты, состоящие из четырех огромных комнат.

— Чертова Америка! — вслух сказал он.

Во всяком случае, надо было действовать. Раз уж так вышло, нужно как можно скорей вернуть все свои дела. Приезжий снял телефонную трубку.

— Хелло! Соедините меня с фирмой «Линк-Белт». Срочно.

Он собрался отдохнуть по приезде, побродить по улицам и только на следующий день приступить к делам. Теперь ему дорог был каждый час. Когда мягкий женский голос ответил: «Контора «Линк-Белт» слушает вас», — он весьма деловито, даже напористо повел разговор. Назвал себя. Объяснил, что ему необходимо познакомиться с транспортным оборудованием литейных цехов, которое выпускает фирма. Возможно, что он сделает заказ для советских заводов. Бюджет его времени крайне ограничен, и он хотел бы сегодня же приступить к делу.

В ответ доносилось:

— Да, мистер... Честопул. Я доложу, мистер Честопул. Все будет сделано, мистер Честопул. Я постараюсь сегодня же заказать для вас пропуск, мистер Честопул. Куда вам телефонировать, мистер Честопул?

— Отель Бельюстредфорд, — не без смущения ответил он. Трубка поперхнулась.

— Минуточку, — услышал он. — Соединяю вас с шефом конструкторского бюро.

Теперь с ним говорил бодрый мужской голос.

— Мистер Честопул? Мы не ослышались? Вы действительно остановились в Бельюстредфорде?

— А разве это запрещено американскими законами?

— Ха-ха-ха! Вы шутник, мистер Честопул. У вас есть вре-

мя? С вами хотел бы поговорить наш директор по сбыту.

Черт возьми, чем все это кончится? Приезжий уже знал, что в этих краях директор по сбыту — фигура главная: в Штатах сделать машину не фокус, вот продать ее — это фокус. Видно, они приняли его за важную персону. Трубкой завладел тем временем «сбытовик» фирмы, он выразил необыкновенную радость по поводу прибытия «мистера Честопула». А еще через минуту у телефона был сам мистер Уэбстер, президент фирмы. У него был сухой, старческий голос.

— Хелло, мистер Честопул! — сказал он. — Мы, американцы, деловые люди. Я выезжаю к вам.

Винювник этой кутерьмы испуганно положил трубку. Пожалуй, он уже начал догадываться, в чем тут дело. Ну конечно, для них место красит человека. Раз он остановился в этом сумасшедшем отеле, значит, равен «коронованным особам». Так они рассуждают. Как объяснить им, что он вовсе не тот, за кого они его принимают?

Надо было, во всяком случае, подготовиться к встрече. Прежде всего переодеться. Он надел свежую рубашку, причесался, тщательно вывезал перед зеркалом галстук. Зеркало было большое, старинное. Из витой рамы смотрел молодой человек, невысокого роста, широкий в плечах. Густая шевелюра несколько увеличивала его рост. Глаза были встревоженные. Он нахмурился, сдвинул густые брови. Потом, подумав, достал трубку: с трубкой у него будет более солидный вид. Но нет, и это не спасало: он был безнадёжно, до обидного молод. Ему шел в ту пору двадцать третий год.

...Да-да, он слишком рано окончил институт — в этом дело. Он получил инженерный диплом девятнадцати лет от роду. И какой же был в стране голод на инженеров, если его, мальчишку, сразу же взяли на Горьковский автозавод! То есть никакого завода еще не было: весь он уместался в угловой комнатке на Мясницкой. Стояло там несколько столов, на столах были приколплены ватманы, на ватманах вычерчивались первые корпуса. Будущий завод и послал его, будущего начальника цеха, за границу: учись, пока идет стройка. А солидности

не прибавилось, по виду он, как был, так и остался мальчишкой. Под этим предлогом его вначале не хотели даже пускать в Америку. На Эллис-Айленде, знаменитом «Острове слез», его допрашивал морщинистый майор: «Вы коммунист?» «Нет, сэр». И это было правда, он еще не был в ту пору членом партии. «Не может быть, — говорил майор. — Не может быть, чтобы в вашей стране не нашлось солидных инженеров и посылали таких юнцов. Вы не инженер?». «Но вот мой диплом, сэр». Последний провокационный вопрос: «А не останетесь ли вы в Америке?» «Можете быть совершенно спокойны, сэр, не останусь. У меня есть Родина!»

Гул автомобилей прерывает раздумья молодого инженера: вереница машин подъехала к отелю. Черт возьми, что же он все-таки натворил! Да тут человек десять, не меньше. Впереди в открытом «роллс-ройсе» очень прямо сидит сухопарый старик в черном костюме, в старинном канотье. Шофер-малаец выскакивает из машины, почтительно открывает дверцу. Президент фирмы идет в дом, остальные тянутся за ним.

— Знакомьтесь, господа, — говорит старик. — Это мистер Честопул, который приехал к нам, чтобы сделать заказ на миллион долларов.

И колесо закрутилось. В тот же день президент фирмы «Линк-Белт» приглашает дорогого гостя в гольфклуб; вечером миссис Уэбстер устраивает большой прием: «Я жду вас, мистер Честопул»; фэйфоклок у супруги директора по сбыту: «Вы непременно, непременно должны прийти, мистер Честопул!»; большой концерт в Филадельфийской филармонии, дирижирует Леопольд Стоковский; гость приглашен в ложу мистера Уэбстера. Наконец, в ресторане «Бенджамен Франклин» дается банкет в честь советского специалиста; президент фирмы поднимает бокал:

— За удачное начало бизнес-карьеры мистера Честопула!

Наш герой чувствует себя так, словно тут разыгрывается какой-то фильм из великосветской жизни, в котором ему по чистому недоразумению досталась заглавная роль. Однако как бы там ни было, он остается верен намеченному плану: как можно скорее выполнить

все задания. И день за днем с самого утра он, сменив смокинг на комбинезон, мотается по заводам фирмы. У них действительно выпускаются отличные машины, тут есть чему поучиться. И он учится, смотрит, впитывает в себя все, как губка. А к исходу недели, когда шикарный номер в Бельюстредфорде съедает его последние деньги, он является в контору «Линк-Белт» для заключительной деловой беседы.

— Итак, мистер Уэбстер, — спрашивает он, — что вы реально можете предложить?

Старик молча берет лист бумаги, берет карандаш и неторопливо, основательно чертит схему оснащения цеха. Здесь пройдет поточная линия, здесь — транспортеры, рольганги, здесь будет установлен такой-то механизм, здесь — такой-то... Качество фирма гарантирует.

— Нет, мистер Уэбстер, нам это не подойдет.

— Не понимаю вашей шутки, мистер Честопул.

— Ну как же. — говорит молодой инженер. — Вы ведь хотите всучить... то есть, простите, продать советским заводам старое оборудование, которое сами уже снимаете с производства.

— Но, дорогой мистер Честопул, вначале вы ведь должны использовать полностью наш бенефит, так сказать, преимуществ американского опыта.

— Совершенно верно, мистер Уэбстер! Только при этом мы хотим получить за свои деньги не вчерашнюю технику, а завтрашнюю.

— «Догнать и перегнать»? — щурится президент фирмы.

— Именно так: догнать и обязательно перепнать!

Сдержанный шумок прошел по кабинету. Сердито блеснули из-под очков глаза шефа конструкторов, отвисла челюсть директора по сбыту, поджал сухие губы президент. И вдруг молодому советскому инженеру, парню из города Харькова, стало ясно: перед ним самые настоящие капиталисты. Разумеется, он и прежде понимал, что господа, столь мило принимавшие его, никак не могут быть причислены к пролетариям. Но впервые ощутил он с такой ясностью, что как раз он-то и есть те самые «акулы капитализма», которых он при-

вык видеть (непрерывно жирными и в цилиндрах) на газетных карикатурах, — кровные враги его страны.

— Ваш лозунг хорош для политиков, мистер Честопул! — жестко сказал Уэбстер. — А вы человек дела и должны понимать: Россия не созрела для техники такого высокого класса. Ваши безграмотные рабочие просто-напросто испортят новые машины нашей фирмы. Боюсь, и инженеры ваши неспособны как следует разобратся...

— Разрешите. — Молодой инженер взял карандаш из рук

☆

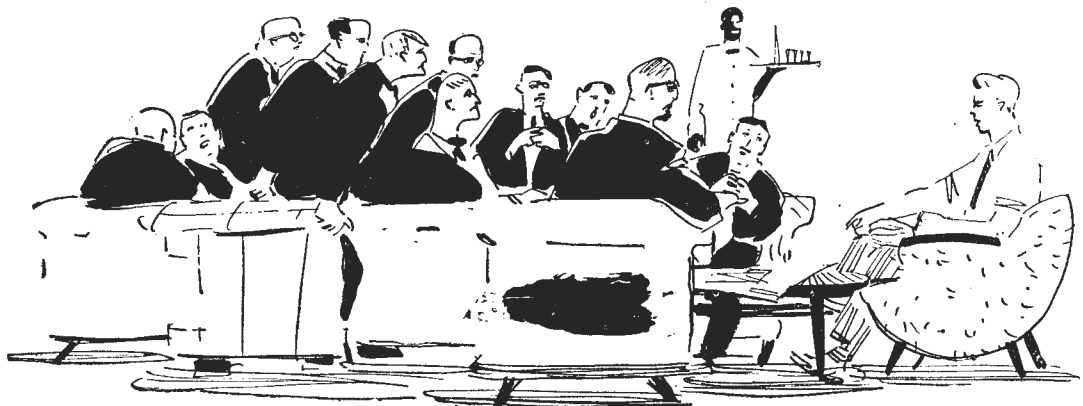
— В тот момент я понял самое забавное, — сказал, заканчивая свой рассказ, Виктор Михайлович Шестопал (это его американцы именовали «Честопулом»). — Да-да, самое забавное во всей истории. Никакого обмана с моей стороны не было. И отель, куда меня занесло по ошибке, вовсе не ввел их в заблуждение. Я действительно был для этих дельцов выше любой коронованной особы. Вы понимаете? Вышло так, что я представлял там интересы вели-

дов, назначен был главным металлургом «Гипростанка».

И вот мы с ним в поезде, в «Красной стреле», едем в Ленинград.

Поездка эта все-таки состоялась. Сахаров, правда, задержался в Москве, но зато в соседнем купе едет с нами Сергей Ильич Четверухин — главный металлург московского отделения «Гипростанка» и третий мой спутник. Мне и с ним хотелось побеседовать, но Сергей Ильич уже залег спать.

— Не надо пугать гвоздь с панихидой, а ночь со днем, —

старика и принялся быстрыми, уверенными штрихами набрасывать свою схему. — Поточная линия пройдет здесь, транспортеры и рольганги — здесь; в этом месте вместо предложенного будет установлен другой механизм, здесь — тоже другой; а в этом месте мы, пожалуй, вообще откажемся от услуг фирмы «Линк-Белт» и сделаем все по-своему, примерно так; это будет экономичнее.

«Акулы капитализма» молча изучали рисунок. Постепенно у них вытягивались лица.

— Н-да... — вымолвил наконец президент фирмы. — Вы, я вижу, зря у нас времени не теряли.

И тут наш герой улыбнулся. Он был в этом кабинете одинешенек, его окружали чужие люди, вокруг на тысячи верст лежала чужая страна, а он стоял и улыбался — очень откровенно, слегка торжествующе и совсем не дипломатично...

кой державы. Или, чтобы не произносить громких фраз, скажем так: ни один король не мог дать фирме такого заказа, какой был в моих руках.

— Виктор Михайлович, чем же все это кончилось?

— Очень обыкновенно кончилось. Уэбстер принял все наши требования и получил от «Амторга» заказ на миллион долларов. А я выложил последние центы за такси и благополучно отбыл из Бельюстредфорда. Дела давно минувших дней...

Да, с той поры минуло почти тридцать лет. Шестопал немало поездил по свету и побывал во многих городах родной страны; он строил литейный цех Горьковского автозавода и работал в нем, увлекся теорией литейного производства и опубликовал около ста научных работ, защитил кандидатскую диссертацию и много лет заведовал кафедрой в «Станкине», занимаясь проектированием заво-

сказал он. — Ночью я привык спать.

Это мужчина солидный. Рослый, полный, неторопливый, невозмутимый. Даже на вокзале, за пять минут до отхода поезда, в толчее людей, спешивших в вагон, Сергей Ильич выделялся полным спокойствием. А в вагоне, едва тронулся поезд, он извлек из чемодана пижаму, домашние туфли и переоделся. Это привычка много ездившего человека: пусть всего одна ночь в пути, и одну ночь надо провести с удобствами. Достал еще книгу: надо почитать перед сном. Что за книга? «Русско-чешский словарь». Зачем ему?

— А я, видите ли, прямо из Ленинграда полечу в Прагу. Задание: изучить опыт литейщиков Чехословакии и, возможно, им подсказать кое-что из нашего опыта. Понимаете? Изучить и кое-что передать. Таким образом.

Сергей Ильич и говорит глу-

хим баском, неторопливо, очень ровно, словно диктует. Это у него преподавательская привычка: восьмой год он одновременно с проектной работой учит студентов. И куда ни приедет теперь: в Горький, Киев, Рязань, Коломну, Харьков, в тот же Ленинград, — всюду встречает своих учеников.

Хотелось мне еще с ним поговорить, но «не надо путать гвоздь с панихойдой». Впрочем, главное я знаю о нем: и он опытный проектировщик, и он прошел школу пятилеток, и он кандидат наук — это уж Шестопал мне рассказал. И еще он рассказал о нем, что когда недавно Четверухину предложили спокойную жизнь: бросить бесконечные командировки и трепку нервов, связанную с проектированием, и перейти в институт на постоянную должность доцента, — Сергей Ильич подумал и ответил, как всегда, обстоятельно: «Зарплата у вас больше — это, конечно, заманчиво. И работа, слов нет, легче. И возраст мой, вы правы, пока требует. Только дело я свое люблю и ни на что не променяю. Ни на что не променяю. Вот».

Таков мой третий спутник, судя по тому, что я успел о нем узнать. Ну, ничего, в Ленинграде у меня будет время и с ним познакомиться. В моем распоряжении, как шутливо определял директор института, семь дней и семь ночей. Семь дней и семь ночей...

— Виктор Михайлович, — обращаюсь я к Шестопалу. — А вам не пришло в голову, что срок-то у вас библейский?

— Не понимаю.

— Ну, как же! Ведь бог сотворил землю за семь дней и за семь ночей.

Шестопал улыбнулся.

— Ошибаетесь. Если уж подходить к этому делу «научно», так за шесть дней. На седьмой, как известно, господь почил от трудов своих. Кроме того, в такие сроки заводы не делаются. В Ленинграде будут разработаны лишь основные положения проектов. Но мы с Сахаровым еще полгода назад начали готовиться к этой работе. И после Ленинграда долго еще и многим людям придется ее завершать... И потом, учтите, богу было все-таки легче: ему не нужно было утверждать свой проект у министра станкостроения.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Через час по приезде в Ленинград мы уже входили в отделение «Гипростанка». Оно помещалось на улице Герцена в старинном особняке. По странной прихоти судьбы он оказался памятником архитектуры. Этот дом строил сто лет назад знаменитый Монферан, создатель Исаакия, строил по заказу известного уральского промышленника Демидова.

В просторном зале с позолотой, где над зеркальным каминным висела аккуратная табличка «Уходя, гаси свет», собирались инженеры-ленинградцы. Я знал, что им предстоит выполнить основную работу, и с интересом присматривался к ним. Были тут две или три женщины, но больше мужчин, было несколько молодых инженеров, но в основном люди зрелого возраста. Они входили в зал, негромко переговаривались между собой, здоровались с москвичами, шутили, закуривали, кашляли, рассаживались по местам.

— Все собралось? — спросил Шестопал.

— Все.

— Литейщики здесь?

— Здесь.

— Строители?

— Сейчас подойдут.

— Сантехники, энергетики?

— Здесь.

— Генпланисты?

— Есть!

— Ну что ж, приступим, товарищи, — сказал Шестопал.

Очень деловито повел он разговор. Просто напомнил инженерам их задачу, которую они и без того себе представляли, и тут же принялся говорить об организации потока на формовке, о принципах специализации мелкосерийного производства. Очень скоро я потонул в технических терминах, названиях, цифрах, которые даже не пытался записывать.

— Вот, собственно, и все, что я хотел вам доложить, товарищи, — заключил Шестопал. — Как видите, сроки у нас чрезвычайно сжаты, а основные положения мы должны дать сразу по семи центрам. Прежде мы каждый из них проектировали бы в отдельности. Теперь решили делать один типизированный проект и осуществлять его в семи городах. Задача сложная, и потому есть предложение всю дискуссию перенести на чертежные доски. Возражений нет?

Тем разговор и кончился. Вернее сказать, тем он и начался: не прошло и пяти минут, как завязался своеобразный, острый спор проектировщиков — спор рисунками. Хочется, чтобы вы лучше представили себе эту картину. Над чертежными досками взлетают руки, они обрывают ладонями стены цехов, указывают направление конвейеров — поясняют мысль. Нетерпеливо хватают карандаш, линия сталкивается с линией — горячий спор. Иногда карандаш замирает в воздухе, отстывает в сторонку, набрасывает «вариант» — минута сомнений. Стыдливое колебание, признание ошибки — это ластик. И, наконец, когда спорщик уверен в своем, карандаш твердо ложится на бумагу, оставляя четкий, прямой и по-своему очень красивый рисунок. А слов мало, слов почти нет:

— Тут у меня вагранки... Шагающий конвейер... Рабочий за стеклом, у пульта, видите?

— Пока убедительно.

— Ну, знаете! Вот вам карандаш, и нарисуйте сами что-нибудь членораздельное.

И рисуют, чертят, спорят, и в этой борьбе, в неясных еще линиях, прямоугольниках, квадратах рождаются первые намеки будущих корпусов Центролита. Рождаются одновременно за двадцатью столами...

— Знаете, что у нас происходит сейчас? — сказал вечером один из ленинградских инженеров. — Обмен идеями... Ну, есть такое мудрое присловье. Ты имеешь рубль, и я имею рубль, мы обменяемся, и у каждого из нас останется по одному рублю. А когда у тебя есть идея и у меня идея, то после обмена у каждого из нас будет по две идеи. Вот ведь в чем фокус!

ОДИН ТОЛЬКО СПОР

-Вы умеете спорить? — Странный вопрос, — скажете вы, — конечно!

Только говорю я не о пустых словопрениях, не о пустопорожних пререканиях, а о настоящем, глубоко, умном, страстном, одним словом, о принципиальном споре.

Умеете ли вы так спорить? Надо уметь. И надо любить умный, деловой спор. Без этого нельзя ни жить, ни работать. Не зря ведь сказано, что в спорах рождается истина...

В любой час можно было за

одним из столов видеть двух инженеров. Одного из них я уже знал — это был Сергей Ильич Четверухин. С другим меня познакомили — это был Ефим Самойлович Хомудес, ведущий металлург ленинградского отделения. Весь день они были вместе, и весь день они спорили. С видимым огорчением расставались вечером, а встретившись на следующее утро, продолжали спор, будто и не было этого досадного перерыва. Казалось, Четверухин для того только чертит на листке новую схему, чтобы порывистый Хомудес мог воскликнуть: «Чушь! Вы меня извините, Сергей Ильич, но это ведь чушь!» А через несколько минут рисовал Хомудес, и тогда уж Четверухин степенно говорил: «Тут ошибочка у вас, Ефим Самойлович. Не следует, знаете, путать гвоздь с панихидой».

Главный спор у них вышел о гидрокамере. Оба, конечно, были «за», тут не могло быть двух мнений: струя воды под давлением в сто атмосфер очищает отливки от пригоревшей земли и земляных стержней, освобождая рабочих от труда поистине адского. Но вот куда ее ставить, гидрокамеру?

— Поймите, Ефим Самойлович, если мы уберем ее из обрубного цеха, то полностью избавимся здесь от земли. Новый уровень техники!

— Пусть так, Сергей Ильич, но вы ведь не сможете очищать раскаленную отливку. А держать ее до остывания в главном корпусе я не согласен. Мне надо, чтобы отливка не обдавала рабочего жаром, а сразу проваливалась под землю.

Ленинградец и намерен «провалить» отливку в самом буквальном смысле этого слова — в подземную галерею. По пути туда отливка успеет остыть. Но для этого необходимо перенести гидрокамеру в другой, обрубной цех, а москвич не согласен.

Таковы исходные позиции спорщиков. Один хочет избавиться от пыли и грязи. Другой — от жары и духоты. Каждый находит все новые доводы в свою защиту, все новые возражения против доводов «противника». Иногда беседа их выглядит совсем мирно, иногда они повышают голос, порой мне даже начинает казаться, что они, пожалуй, перестанут здороваться, но приходит новый день — и вновь я вижу две

голова — седую, буйно-кудрявую — ленинградца и темную, коротко остриженную — москвича, две головы, склоненные над одним чертежом. Все это называется у них так: «Мы утрясаем технологию».

Мне интересно следить за их спором. Интересно потому, что, люто воюя друг с другом, они все время ищут сообща новые решения. Вот говорит Четверухин, привычно помогая себе карандашом. А кто, собственно, сказал, что нельзя выбивать стержни из горячих отливок? Сегодня это действительно запрещено, потому что человеку с отбойным молотком к ним не подступиться. Но у нас-то процесс механизирован. У нас-то не вручную! Значит, мы можем посылать горячую отливку в гидрокамеру. А? Заодно водой будем охлаждать ее.

— Это вы работаете на «мадам корзину», — мрачно говорит Хомудес (так он именует бросовые чертежи). — Пар у вас поднимется, как в хорошей бане, окна запотеют.

Четверухин не согласен. Почему? Совсем не обязательно. Пар не пыль, убрать его ничего не стоит. Поставим ограждение кожух, организуем дви-

жение воздуха — проще простого.

Хомудес только усмехается. А чугун? Подумал ли уважаемый оппонент о чугуне? Пойдет ли чугуну на пользу такая резкая смена температур?.. Он вдруг срывается с места; проходит минута, две, пять, наконец он возвращается к столу. Вид у него торжествующий: звонил на «Ленстанколит», говорил с заводчанами, все выяснил. Гидроочистка горячих отливок на этом заводе неминуемо приводила к образованию трещин. Все.

Ну, что ж... Раз нельзя, значит, нельзя. Нужно искать другой путь. Снова москвич берется за карандаш. А что, если испробовать такой вариант? Гидрокамеру мы оставим все-таки в главном корпусе, вот здесь. Но подведем к ней охлаждательный конвейер. Вы понимаете? Накрываем его сверху кожухом, даем мощный встречный поток воздуха — люди, таким образом, от жары избавлены, а отливки приходят в гидрокамеру уже холодными. Что? Ну конечно, это еще нужно просчитать. Как говорится, семь раз отмерь, а... отрезать все-таки страшновато.

У проектировщика всегда так. В защиту своей идеи, пусть сначала еще неточной, не до конца ясной, он будет подыскивать все новые доводы. Умный противник ему не помеха. Напротив, указывая недостатки замысла, он лишь поможет ему. Без такой критики позиция его была бы слабой, в споре она обретает настоящую силу.

— Знаете что... — говорит после долгой паузы Хомудес. — По-моему, маячит. Слабо еще, в тумане, но маячит... И вообще, сколько можно целиться? Давайте наконец стрелять! Выйдет по-вашему — примем, не выйдет — поклонитесь «мадам корзинке». А то вы мне своими спорами окончательно надоели! — совсем сердито кричит он. И вдруг добавляет: — Кроме того... кроме того, есть у меня одна идея: что, если ваш охлаждательный конвейер пустить по кругу, а? Сделать в виде карусели. Вы понимаете?

Четверухин, улыбаясь себе под нос, достает готовальню, вооружается циркулем, измерителями, угольниками, в руках у Хомудеса появляется логарифмическая линейка, за столом их наконец-то впервые за все

эти дни воцаряется тишина...

Только на следующее утро узнал я окончание этого спора, весьма, надо сказать, меня удивившее.

Было так. Едва войдя в зал, я услышал громогласное «Кошмар!» и понял: приехал из Москвы Григорий Михайлович Сахаров. Ну конечно, это был он.

— Кошмар! — шумел Сахаров. — Зачем вы ее сюда сунули, гидрокамеру? Это, дети мои, от лукавого. Здесь и без того сложное подземное хозяйство.

Он, строитель, видел чертеж совсем иначе, чем технологи. Те рисовали квадратик, писали: «Гидрокамера», — и на этом работа их заканчивалась. А он видел все объемно. Под квадратиком он видел массивный фундамент, заглубления железобетонных колонн, водопроводные трубы, электрические кабели, глубокий водостойник, в котором должна оседать земля, вымытая в гидрокамере из отливков...

— Кто это выдумал? — грозно вопрошал Сахаров. — Надеюсь, не вы, Ефим Самойлович?

— Это идея Сергея Ильича, — скромно отвечал Хомудес. — Так! Узнаю Четверухина! Ну что ж, придется с ним поспорить.

— Не выйдет: ночью он вылетел в Прагу.

— Гм... Мавр сделал свое дело. Вы-то, надеюсь, против были?

— Еще как!

— Слушайте, Ефим Самойлович, неужели эту чертову камеру нельзя убрать отсюда? Взять да и переиграть все обратно. Как ваше мнение?

— Ни в коем случае, — сказал Хомудес.

— Но вы ведь сами спорили!

— Ни в коем случае, — сказал Хомудес. — Сергей Ильич был прав. Кругом прав. Это ведь совершенно новый уровень техники. Как же можно «переигрывать»?

...Три дня спорили технологи. Твердый, как камень, москвич и вспыльчивый, как порох, ленинградец. Один с необычайным упорством отстаивал свою идею и, несмотря ни на что, остался верен ей до конца. Другой столь же упорно эту идею критиковал. Но, убедившись в ее преимуществах, из самого ярого противника этой идеи стал самым ярким ее сторонни-

ком. Шел настоящий спор. И, думаю, вы не станете возражать, если я скажу: оба они были до конца принципиальны.

☆

По коридору торопился Ефим Самойлович Хомудес. Бережно, двумя руками, он нес кальку.

— Узнаете? — сказал он. — Главный корпус. Верно ведь, красавец?

Карандашные неверные наброски, черканные-перечерканные, замусоленные пальцами, истертые до дыр резинкой, превратились на кальке в четкий, чистый, тушью обведенный чертеж. Прямые линии, ровные округлости, аккуратные пунктиры, строгие надписи — это действительно было красиво. А гидрокамера где? Ну, конечно, как они и решили, в главном корпусе. И рядом с нею печочка охлаждающего конвейера.

— Ефим Самойлович, — спросил я, — а что в вашем споре было главным? Самое существо его в чем?

— Главное?... — Хомудес задумался. — Ну, вот вам пример. У нас на ленинградском «Станколите» один формовщик дает сегодня до трехсот пятидесяти, трехсот семидесяти тонн литья в год. Это — наивысшее достижение. А здесь, — он постучал пальцем по чертежу, — на этом автоматизированном участке, работают десять человек и дают около восьми тысяч тонн литья. До восьмисот тонн каждый. Разница?.. О, математика — великая вещь, особенно четыре правила арифметики!

— Значит, главное, чего вы добивались, — производительность труда?

— Конечно! Ленин еще писал, что это главное.

И мой собеседник пошел дальше, унося свою кальку. Но меня не удовлетворил его ответ. Зачем же все-таки перенесли гидрокамеру из одного корпуса в другой? Производительность ее вряд ли от этого увеличилась. Нет ли в проектировании еще чего-то «главного»?

— Строить мы обязаны не только хорошо, но и дешево, — сказал мне Сахаров. И еще раз добавил: — Дешево! Надо помнить об экономике. Можно ведь ухлопать на этот Центролит втрое больше денег и вообще все насквозь автоматизировать. Ну вот, скажем, стоят двое рабочих и скрепляют штырями опоки. Дело простое. Не-

ужели, вы думаете, нельзя было бы взять фотозащиты, реле, какие-то там электронные устройства и сочинить хитрую машину, чтобы она это делала? Конечно, можно. Тогда на этом участке вместо десяти осталось бы восемь рабочих. Верно я говорю?

— Математика — великая вещь, — улыбнулся я. — Особенно четыре правила арифметики.

— Хомудес говорил? — глянул Сахаров. — Узнаю Хомудеса. А вы считайте дальше. Существенного увеличения производительности труда это нам не даст и себестоимости не снизит. А такой автомат будет стоить бешеных денег, тут счет на миллионы. Так зачем же, спрашивается, тратить силы на этот автомат?

— Значит, Григорий Михайлович, главное...

— Очень важно, — сказал он. — помнить всегда об экономике. Добиваться высочайшей производительности ценою наименьших затрат. Считать народную копейку.

Однако и это объяснение не до конца удовлетворило меня. Почему же все-таки понадобилось переносить гидрокамеру? Экономика тут явно ни при чем: машина ведь не подешевела оттого, что ее поставили в главный корпус.

— Вот вы о чем, — сказал Виктор Михайлович Шестопал, когда я подошел к нему со своими недоумениями. — Но это ведь очень просто. И то главное и это главное — и производительность и экономия. А о «самом главном» они вам не говорили, потому что у нас в стране это само собою разумеется: делая завод, мы обязаны все время помнить о человеке, который будет работать на этом заводе. Мы должны литейный цех, который во все времена считался самым грязным, душным, пыльным, сделать привлекательным местом для работы. Чтобы в нем было хорошо и удобно человеку. Ясно?

Да, мне было ясно. В конце концов деньги считать умеют и капиталисты; иной раз мы можем даже поучиться у них этому. И повышения производительности труда требуют они от своих рабочих, выжимая из них все силы. Тот же Шестопал два года подряд работал у Форда и все это испытал на себе, — с трудом добирался он после смены до коттеджа вдовы Томпсон, где снимал комнатенку, и засы-

пал, едва коснувшись подушки... Да, там были могучие машины, и каждая секунда рабочего времени была у Форда на счету, каждое движение руки, каждый поворот головы.

Все это нужно было запомнить, хорошо запомнить, но для того, чтобы у нас в стране сделать совсем по-другому. Мы тоже будем помнить об экономике и производительности труда добьемся, какая им не снилась, но при этом мы всегда будем помнить о главном — о человеке.

— И еще надо помнить одну простую вещь, — сказал Шестопал. — Центролит мы лепим не на год и не на два... Вы понимаете, о чем я говорю? То, что мы строим сегодня, войдет в коммунизм.

ВО ИМЯ ЧЕЛОВЕКА

Завтрашний день наступает сегодня. Он не приходит сам по себе, его делают люди знающие, опытные, смелые. Если бы они бездействовали, остановилось бы время. То есть оно, конечно, все равно бы текло, и тикали бы часы, и день по-прежнему сменялся бы ночью, но поди-ка разгляди движение времени, если один день будет в точности повторять другой.

Мы знаем: время растяжимо. Оно зависит от того, Какого рода содержанием Вы наполняете его...

(С. Маршак)

Время растяжимо, и длина его всецело зависит от того, какими делами, событиями, переменами насыщает его человек. Когда изменения невелики, медленно тянутся часы; когда много в жизни событий, дни пролетают стремительно — каждый это знает по себе. А когда вовсе нет никаких перемен, настает безвременье.

«Время кончилось... Вечный миг настал!» — говорил некий праведник в граде Китеже.

Вы, конечно, помните: сказочный этот город уснул на долгие века, и все в нем замерло — вот и иссякло время.

«Время есть движение, измеряющее другие движения» — таков вывод великого математика Лобачевского. Мы сами определяем темпы нашего движения вперед, ход времени планируется в пятилетках, и, значит, от нас самих зависит, ко-

гда он придет и каким он будет, наш завтрашний день.

...Снова я прохожу по залам монферановского особняка. В этих залах устраивал пышные приемы Демидов, пенилось шампанское, звучали полонезы и мазурки, разодетые гости завистливо глазели на миллионера, сколотившего свой капитал на уральском чугуне. И никто не вспоминал здесь о «чумах», о литейщиках, которые в грязи, в духоте, в пыли плавили этот чугун, создавая славу русского литья.

Я иду по коридорам, заглядываю к архитекторам, захожу к сантехникам, строителям, сметчикам, генпланистам. Люди по-прежнему обдумывают, просятывают, вычерчивают завтрашний день.

Теперь я знаю: за линиями чертежей, за цифирью смет, за самыми сложными техническими терминами стоит у них все время потомок русских литейщиков и хозяин страны — рабочий Центролита.

☆

— Михаил Семенович, будьте добры, прикиньте: в третьем пролете не может получиться вредных сквозняков?

— Ладно. Сейчас посмотрим.

Михаил Семенович Живов, начальник сантехнического отдела, принимается за расчеты. Что волнует этого человека превыше всего? Что составляет предмет его постоянных забот? Что высчитывает он по кубометрам, планирует по декадам и сменам?

Ответ один: воздух. Воздух — среда, воздух — сырье, воздух — орудие производства. Воздух — друг, который необходим для людей, для горения угля, для работы вагранок, печей, пневмотранспорта. И воздух — враг, который разносит во всем цехам пыль и вредные газы.

Для того только, чтобы избавиться литейщиков от CO₂, попросту говоря, от угара, придется каждую смену нагнетать в цехи 3 500 000 кубометров свежего воздуха. Прикиньте-ка, сколько это выйдет в месяц, в год!.. Но это не все. Нужно еще с помощью «местного отсоса» убирать загрязненный воздух там, где этот угар выделяется. Мало того, рабочие горячих цехов должны подвергаться «воздушному душированию»: поток прохладного воздуха будет спасать их от жары.

Воздух поможет бороться еще с одной «вредностью», по мнению врачей, самой страшной — с пылью. Много ли пыли может быть в литейном цехе? Пять кило? Сто килограммов?.. Михаил Семенович показал схему «Центральной пылесосной установки». Он сам изобрел ее для того, чтобы собирать пыль по всему заводу. Так вот, установка эта рассчитана на такую производительность: двести килограммов в час. Представляете себе? Полторы тонны пыли за секунду!

Хмурится в соседнем сметном отделе Александра Ивановна Ройнишвили, инженер-экономист. Опять Живов сунул в проект кучу новой техники. Ну где, в каком ценнике узнать стоимость «Центральной пылесосной», когда он ее сам только что изобрел? Беда с этими изобретателями!

Сметчики — народ строгий. Вы можете выдумывать, фантазировать, мечтать — им придется вашу мечту «осметчивать»: в какую копеечку встанет она государству? Все должна подсчитать Александра Ивановна, все перевести на язык цифр — «человеко-часы» труда, тонны продукции, рубли зарплаты, квадратные метры жилья... Сколько строить жилья? На Центролите (это уже подсчитано технологами) будут работать три тысячи человек. Три тысячи надо помножить на «коэффициент семейности» — есть, оказывается, и такой! — и вы получите число жителей заводского поселка. Всех их нужно обеспечить жильем. Дети рабочих подрастут, пойдут в школу — какая нужна школа? Рабочие в свободное время захотят отдохнуть — какой строить кино-театр, какой клуб? Сколько магазинов, парикмахерских, столовых?..

Я покидаю сметчиков, преисполненный уважения к их по первому впечатлению скучному, а на деле такому интересному труду. Иду по коридору дальше, открываю следующую дверь и еще с порога слышу громкий голос Николая Захаровича Жукова, начальника строительного отдела:

— ... и сосиски, и картошку с котлетами, и эти, как их, фрикадельки, и чай, и кофе!

— В бытовках? — удивляются инженеры; «бытовками» они именуют помещения при цехах, где рабочий отдыхает в пере-

рыв, моется под душем, переодевается после смены.

— Именно в бытовках.

— Но по нормам предусмотрена только общецеховая столовая.

— Бросьте! Литейщик из горячего цеха не побежит туда на перерыв. Голодный останется или так перехватит что-нибудь, всухомятку за своим станком.

— Но нормы...

— Никуда не годятся такие нормы!

И у архитекторов спор:

— Послушайте, тут же у вас пустое место. Плешь между корпусами — не эстетично.

— Зачем плешь? Бегонии будут расти, георгины... Воздух должен быть. Человек идет, чувствует простор.

...В маленькой комнате (говорят, у Демидова помещались в ней горничные) сидят за столами шесть веселых девушек и вырезают из плотной бумаги — габаритки — маленькие корпуса и цехи будущего Центролита. Масштаб — 1 : 1000. Я с удивлением вижу, что главный литейный корпус из П-образного превратился у них в Ш-образный, что и к другим зданиям у них «прирезаны» лишние пролеты, очерченные пунктиром. В чем дело?

— Резервы роста, — объясняет Майя Шарова.

Вот оно в чем дело! Завод наш мало того, что весь он устремлен в будущее, строится еще «на вырост». В каждом корпусе, на каждом участке закладываются возможности дальнейшего движения вперед. Когда габаритки будут передвигать по плану, выискивая наилучший способ размещения завода, возле каждого корпуса останется намеченное пунктиром место — для расширения, для будущего строительства.

— Лишних копров нарезали, не пожалели, — посмеивается Сахаров, который командует этой работой. — Попрошу два копра держать в резерве. А складов, кажется, не дорезали. Так и есть. И лаборатории я не вижу — забыли вы о науке... Так, теперь вроде всё. Ну, с богом, девочки, режьте для всех центролитов.

Он занимается этим с полным удовольствием, что-то бормочет себе под нос, что-то напевает. И даже похож в своем вишневом свитере на кудрявого мальчишку, который затеял грандиозное строительство из

кубиков. Впрочем, габаритки и есть кубики, из которых складываются генпланы заводов. Надеюсь, вы помните, что за эти дни в Ленинграде сделан был не один Центролит, а семь: разные эти заводы будут состоять из одинаковых типовых корпусов. Сахаров собирает габаритки, ставит на них буквы: Вологда — «В», Тюмень — «Т», Канск — «К», Энгс — «Э». Пересчитывает и раскладывает по конвертам, в каждом конверте — Центролит.

И вот уже здания Энгского Центролита легли на план. Протянула щупальца к каждому цеху железнодорожная магистраль. Встали на свое место главный корпус, корпус спецспособов литья, лаборатория, кислородная станция, депо, гараж, склады. Появились меж ними деревья, заголубел брызгальный бассейн, раскинулся поблизости жилой массив, зеленым овалом лег заводской стадион... И вот уж я слышу в утолтке такой разговор:

— Ну, хорошо, идея эстакады мне нравится. Но как же мы будем вывозить готовую продукцию?

Выстроили завод, насадили вокруг цветов, открыли столовые, пустили вентиляторы, работают все цехи, поточные линии в ходу... В самом деле, как же мы будем вывозить готовую продукцию?

— Приезжайте через пяток лет, — улыбается довольный Сахаров, — увидите, как это все выглядит в натуре!

☆

— Сегодня я утвердил проект, — сказал министр. — Завод получился вполне современный. Можете считать, что в принципе по всем основным позициям он сработан хорошо.

Я пришел к Анатолию Ивановичу Костоусову, министру станкостроительной и инструментальной промышленности СССР¹, в тот самый день, когда решалась судьба Центролита: проект рассматривался на техсовете министерства. Часа четыре продолжалось заседание, часа четыре Сахаров, Шестопал и Хомудес соединенными усилиями защищали проект — вышли они из зала взмошнне. Но были, судя по всему, довольны.

¹ Теперь А. И. Костоусов — председатель Московского (областного) Совета народного хозяйства.

— Это еще что! — сказал Сахаров. — Это, можно сказать, мы отделались легким испугом. Вот на прошлой неделе утверждался один проект — вот была баня!

Они тут же умчались в «Гипростанок», чтобы порадовать товарищей победой, а я отправился на прием к министру.

— Литейщики делают сейчас большой рывок вперед, — говорит он. — Они у нас долгие годы ходили на положении пасынков. Все внимание уделялось механообработке металла. Вы и сами, верно, помните, сколько у нас писалось о токарях-скоростниках, о резании под давлением, о новых фрезерных, револьверных, токар-

ных станках. А о литейщиках много писали?.. Тут нам похвастаться было нечем: производительность труда в литейных цехах росла куда слабее. Все время технологи-холодники заседали на литейщиков: «Давай! Давай!» Станкозаводам не хватало литья — это было узкое место. А теперь, если вдуматься, очень интересный момент: литейщики переходят в контрнаступление. Они грозятся завалить механосборочные цехи отливками. Они и качество литья обещают дать такое, что не нужна станет последующая обработка. К чему зря сгонять тонны стружки? И тогда, говорят они, технологам-холодникам вообще нечего будет делать...

— Скажите, пожалуйста, Анатолий Иванович, что в технических решениях проектировщиков наиболее интересно?

— Перевод литья на поток, — сразу ответил он. — Для станкостроения это целая революция. У нас в отличие от автомобильной промышленности миллионных «тиражей» изделия не бывает, детали все время идут разнохарактерные, втиснуть их в единый ритм трудно. Нам нужно было... как бы вам получше объяснить? Ну, чтобы лента конвейера двигалась безостановочно и в то же время на ряде операций была неподвижна. Понимаете? Мы ведь требуем еще высокого класса точности — это вторая наша трудность. И вот, представьте, наши товарищи, инженеры харьковского завода, ухитрились совместить движение со статикой — изобрели «пульсирующий», или, как его еще называют, шагающий, конвейер. Можете посмотреть у нас, на «Красном пролетарии».

Министр взял со стола блестящую, хорошо отшлифованную деталь, объяснил, что она выпущена на этом заводе, сошла как раз с этого конвейера. Под деталью лежал журнал, журнал американский, я прочитал название: «Машинери». Министр раскрыл журнал.

— Вот получили свидетельство «с той стороны». Был у нас не так давно мистер Бик из «Дженерал моторс», крупный специалист. Мы ему показали наши заводы. Так он говорил, а теперь и в «Машинери» написал, что в СССР освоено поточное производство станков, какого не знает мир.

— Есть ли просчеты в проекте? И вообще, Анатолий Иванович, есть ли у вас гарантия, что завод будет выстроен без ошибок?

— Просчеты, конечно, есть, — спокойно ответил министр. — Вернее, были. Мы им многое записали на коллегии; предложили, к примеру, включить в состав каждого Центролита корпус сварки на двадцать тысяч тонн в год — все это они учтут в проекте... Насчет «гарантий» вопрос посложней. Никогда не ошибается только тот, кто просто ничего не делает. Проектанты же проделали солидную работу. А во всяком деле всегда есть риск, есть возможность неудачи. Но если мы будем этого бояться, если будем подходить ко всему но-

вому с позиции «как бы чего не вышло», так у нас вообще ничего нового не будет.

— Значит, нет у вас такой гарантии?

Сейчас, когда я собеседник молчал.

— Вы смотрели материалы техсовета? — спросил он.

Сейчас, когда я просмотрел всю эту кипу «Протоколов», «Решений», «Постановлений», «Экспертных заключений», мне стало ясно: в них и заключался ответ министра на мой последний вопрос. И ответ убедительный... Еще до проектирования Центролита «Гипростанок» собирал мнения литейщиков, инженеров, технологов, ученых — сотен людей. Они писали тогда, каким представляют себе завод будущего. С этого и началась вся работа. Теперь то же самое как бы повторялось по второму кругу, тем же людям и еще десяткам других готовый проект был послан на отзыв.

Какое волнение за судьбу Центролита чувствовалось в этих суховатых документах! Здесь сталкивались мнения, взгляды, пристрастия, школы, здесь шла самая настоящая борьба нового со старым, передового с косным — борьба непримиримая, страстная и очень сложная. Проста она бывает только в плохих пьесах, где ходит по сцене толстый дядя-консерватор, и хотя всем уже в зале известно, что он неправ, и самому ему это известно, стоит, как скала, как пень: «Не могу я, товарищи! Все равно я буду против нового...» А тут, друзья мои, все были за новое и предлагали новое, только каждый понимал это новое по-своему; все искренне хотели сделать завод как можно лучше, только каждый мерил это «лучшее» своей меркой. И они боролись между собой. Вежливые замечания, резкие несогласия, ядовитые шутки — гул

стоял в этой министерской папке.

Наткнулся я в ней и на «Особое мнение» Иннокентия Александровича Онуфриева. Вот вам его история. Человек этот прошел большой путь от рядового рабочего до главного технолога московского завода «Станколит», литейщик он опытнейший. И вот Онуфриев выступил с критикой проекта, выступил, надо отдать ему справедливость, весьма энергично. Являлся на все совещания, брал слово на обсуждениях, приходил в министерство, наконец, по собственному почину предложил свой вариант некоторых решений... Мне показалось тогда, что проектировщики даже недовольны «настырностью» технолога: ну что, мол, за оглашенный! Никто его не просил, а он лезет! А мне, представьте, именно это и нравилось в человеке. Да, никто его не просил, а он лезет! Думает, пересчитывает, чертит по вечерам. И не будет ему никакой зарплаты за этот труд, а он все равно делает. Почему? Да все потому же: хочет, чтобы завод был как можно лучше.

То же святое беспокойство погнало главного его противника Шестоपालа на «Станколит». Уж больно настойчив был технолог, слишком уж часто ссылался на опыт своего завода. Шестоपाल заколебался: а вдруг в самом деле ошибка в проекте?.. Часов в восемь появился наш главный металлург в литейном цехе, ходил с участка на участок, беседовал с рабочими. Наконец, пришел в кабинет Онуфриева:

— Ну, Иннокентий Александрович, все у вас посмотрел.

— Так... Что скажете?

— Будем воевать.

— Понятно... — пробасил технолог, голос у него громоглаший. — Только вы, Виктор Михайлович, имейте в виду: я

старый друг. Так что воевать буду крепко.

— Так ведь и я старый друг.

Целый день министр разбирался в этом споре. В середине дня его вызвали в Совет Министров, пришлось устроить перерыв, и «враги» обедали самым мирным образом. А когда снова началось заседание, схватка продолжалась с той же страстью. Истина, как это нередко бывает, лежала где-то посередине: в чем-то Онуфриев ошибался, в чем-то был и прав. Но меня интересует сейчас совсем не это. Они ведь и впрямь были старыми знакомыми, лет двадцать знали друг друга, вместе и на охоту езживали, а вот дошло дело до принципиального столкновения и — «истина мне дороже».

Я не говорю здесь о существовании спора. Верно ли решена та или иная техническая проблема — не нам судить. Но решались все проблемы в открытой, гласной, свободной дискуссии, и это, конечно, правильно. Тут спорили яростно, щедро, честно, невзирая на лица. Сколько я ни ездил с проектировщиками, нигде не видел почтительных спин и искательных глаз: люди живого дела не любят поддакивателей. Они требуют доказательств и требуют при этом не зажимает рта своему противнику.

Вот почему я убежден, — надеюсь, и вы согласитесь со мной, — что коллективное решение, которое они приняли в конце концов, было решением действительно коллективным, а значит, пусть не во всех частностях, но в основе своей верным.

Завтрашний день, сработанный такими людьми, придет в пору и будет хорошим.

(Продолжение следует)

ИЗ БУДУЩЕГО

РЕПОРТАЖ ВТОРОЙ

ОБЫКНОВЕННЫЙ ГОРОДОК

*Я в скуку дальних мест не верю.
И край, где нынче нет меня,
Я ощущаю, как потерю
Из жизни выбывшего дня.*

Александр ТВАРДОВСКИЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В портфеле моих спутников лежал Энский Центролит. Он был придуман, «осметчен», утвержден, корпуса его легли на бумагу. Нам предстояло посадить их на землю, «привязать» проект к земле.

— Да... Поездка будет не из легких, — сказал Михаил Яковлевич Гордон.

Он загорелый, седовласый, с очень живыми блестящими глазами. Как только мы с ним сели в вагон, осведомился: «Футбол любите? Болеете?.. А как насчет преферанса?.. Может, тогда партию в шахматишки?» Сидеть просто так, без дела, главный инженер проекта Энского Центролита, видимо, не умел. Тут же прошел по вагону, нашел партнера в соседнем купе, часа два резался с ним в шахматы, потом прибежал к нам и долго рылся в чертежах. Наконец, все бросил и принялся вспоминать свои путешествия — было их у него видимо-невидимо.

— То ли дело, приедешь в маленькую республику! Люблю я маленькие республики! За что? Странный вопрос! Там ты первый человек, гость дорогой, там не знают, куда посадить те-

бя. Почему? А очень просто: они всегда мечтают о новом заводе.

Даже языком прищелкнул от приятных воспоминаний.

— А сойди мы сейчас в Горьком, или в Куйбышеве, или, скажем, в Челябинске — совсем другой коленик. Тут никто и говорить с тобой не пожелает. Почему? Очень просто: пресыщены они, заводов у них хватает, им это не внове.

— А как будет в Энске?

— Кто знает? — сказал Гордон. — Мы надеялись первыми ставить там заявочные столбы, а пока собирались, там уже шесть заводов сели... Боюсь, не из легких будет поездка.

Поезд летел на восток, земля разворачивалась нам навстречу, и в первый же день нас притянуло к окнам. Страна строилась. Глядя на мир глазами моих спутников, я с особой силой ощутил это. Бывает у вас так, друзья? Едешь с агрономом — встают по сторонам от дороги поля озимых, яровые хлеба, овсы, гречиха. Железнодорожник рядом — оживают туннели, мосты, эстакады, стрелки. Художник стоит у окна — чудесные закаты перед глазами, живописные рощи, перелески...

— Наш, Коломенский! — с гордостью сказал Ярослав Васильевич Лавров, когда мы переезжали по мосту через Оку. На берегу стоял гигант-за-

вод. Хорошо видны были литейный цех, корпус уникальных станков, копер.

— А корпус прессов видите? — показывал Лавров. — Во-он тот, стекла светятся! Я его сажал... Первый мой завод.

— Давно это было?

— В пятидесятом. Я сюда попал прямо из института, совсем еще зеленым. А Михаил Яковлевич — мой крестный отец.

— Брось, Ярослав, — сказал Гордон. — Скажи лучше, что это за стройка?

Мы снова приникли к окну.

— Кажется, завод дорожно-машиностроения, — сказал Лавров.

— И когда они успели сесть сюда?

В Рязани огромный станкозавод проплывал слева от нас, и снова мы видели литейный цех с искрогасителями.

— А что, Михаил Яковлевич, — говорил Лавров, — тут мощность по литью сорок тысяч в год. У нас в Энске главный корпус будет такой же.

— Лучше, — сказал Гордон.

И снова до самой ночи бежали нам навстречу заводы: цементные, машиностроительные, авиационные и новостроющиеся, которые и не разобрать было, какими станут.

— Смотри, Ярослав. Скорее! Хорошо, черти, строят! В прошлую поездку был у них один фундамент.

— Железобетон, Михаил Яковлевич.

— Да... Красиво.

Медленно катили над Волгой. Внизу, по широкому ее плесу, шли огромные, с избами плоты, и на сей раз я видел в этих плывущих деревнях лес, древесину для больших южных строек.

Лавров сказал:

— Видите поле, слева от березовой рощи? Там сейчас Женька Иволгин, наш геодезист, сетку разбивает. Не видно? А вы запомните место да приезжайте через годок...

Когда укладывались спать, он вздыхал:

— Ничего больше не увидим, а там такого за войну понастроили!

Проснулись утром — Урал. «Урал! Опорный край державы, ее добытчик и кузнец...» Холмы, горы, заштрихованные прямыми соснами, и заводы, застройки — тут уж индустрия пошла косяком.

И новое утро — новая встает за далью даль, зеленый луг лежит перед нами и озолоченная солнцем речка. Тут бы художника — какой восход!

— Нет, нам эта равнина не подошла бы, — говорит Лавров.

— Почему? — спрашиваю его.

— А вы посмотрите: речка, берега низкие, топкие, вокруг песок. Значит, грунтовые воды близко. А у нас подземное хозяйство, тоннели — метров шесть от воды нужно, не меньше.

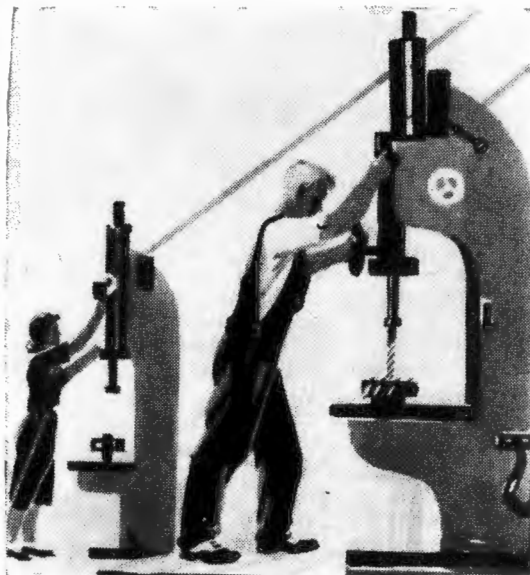
— Да, места сырые, — поддержал его Гордон. — Березки, видите, корявые — первый признак. Хотя, с другой стороны, если осушить, можно бы строить. Смотри, Ярослав: площадка ровная, земляных работ тут совсем немного, железная дорога рядом, река под боком... Красиво!

Так они видят землю. Некоторое время молча стоим у окна.

— Я после войны, — говорит Лавров, — любое поле, любую лужайку видел глазами пехотного комвзвода. Помню, приехал в Коломну на первую свою рекогносцировку, вышел на берег Оки и вдруг жовлю себя на такой мысли: тут окоп хорошо пройдет, тут бы пару станковых пулеметов, там укрытия... А прошлым летом приехал на дачу и пошел с Аленкой — это дочурка моя — в лес. Восход был вроде сегодняшнего — редкостной красоты. Бегает моя Аленка по опушке, цветы собирает, а я начал вдруг прикидывать, встанет здесь инструментальный цех с коммуникациями или не встанет.

— Бытие определяет сознание, — сказал Гордон.

Солнце поднялось повыше, леса отстали, бурая степь растилалась вокруг. Наш поезд приближался к Энску.

Нам ли стоять на месте?
В своих дерзаниях всегда мы правы.
Труд наш есть дело чести,
Есть дело доблести и подвиг славы.

☆

Ну что ж, город был, как город — одноэтажный, пыльный. В первый же день по приезде мы отправились бродить по улицам. Время от времени Лавров щелкал своим «фэдом». В поле зрения объектива попадали приземистые дома, дубовые ворота, железные ставни, пудовые замки. Дымила двухэтажная баня. Поглядели мы реку Грязнушку, лошади переходили ее вброд, остановились посреди реки, пили речную воду. Было нестерпимо душно, на блеклом, выцветшем небе ни облачка.

Мы шли по Октябрьской — главной улице города — и спасались от солнца в тени акаций. Они росли вольно, без асфальта, решеток и ограждений. От городского сада летел, смешиваясь с пылью, тополиный пух. На стадионе был большой футбольный день: встречались

команды ветинститута и техучилища. Счет уже 7:0 в пользу техников. На поле скандал: «Что лбами стукнулись, так это не травма! А что кожа у ветинститута оцарапалась, так мы не виноваты, что у нас кожа толще!» Громче всех «болели» студенты из Кореи: они любят свой ветинститут. По городу были расклеены афиши: «Концерт русской песни и пляски. Юмор и конферанс — Николай Шишкин». Афиши пахли клеем, их облепляла пыль. Ярослав Васильевич все исправно фотографировал: спросят его в «Гипростанке», что за город Энск, он не станет много говорить, выложит снимки, и все.

Если вы хотите строить в городе завод, извольте знать город: хозяйство его, культуру,

ну, Коломбо. Было что-то бесконечно трогательное в том, как собиралось в этом музее все хоть сколько-нибудь «историческое» — от костей мамонта, найденных в окрестных оврагах, до почетных грамот местным заслуженным врачам РСФСР. Маленький Энск тоже хотел быть, «как все», тоже хотел гордиться собою. И гордился. Тем, что ему «стукнуло» уже 213 лет; тем, что его обстреляло однажды пугачевское войско; тем, что его посетил проездом один известный русский писатель. Вот только по части промышленности, по части строек ничем выдающимся город, увы, не мог похвастать. В начале века заглохли старые торговые пути, переместились к заводам, шахтам, рудникам,

родке была сорок лет назад установлена Советская власть. Потому, что и здесь жили хорошие люди, которые работали, веселились, мечтали, защищали Родину в трудный час... Уходя из музея, я уносил в памяти молодое лицо Ивана Меньшова — первого комиссара городского хозяйства Энска. С пожелтевшего фото глядели добрые серые глаза, на кожаной тулупе сбоку висел маузер. А внизу прикреплена была газета «Набат», орган Энского ревкома. И я прочитал в этой газете:

Объявление

Отдел городского хозяйства предлагает всем домовладельцам города Энска, Кузнецовской и Привокзальной слобод, а также слободы Гончарки не позже 20 мая

быт, историю... Мы узнавали историю. Здесь на стенах домов нет-нет да и проглянут изпод свежей побелки буквы, навечно впечатанные кирпичом: «Торговля Башкина» — богатейший был купец. Здесь есть Дом культуры — в бывшем купеческом собрании. Есть Дом пионеров — в бывшем гостинице дворе. Есть кинотеатр имени Николая Островского — в бывшем пассаже Башкина... Когда-то стоял Энск на перекрестке больших торговых путей. И была в нем ярмарка, третья в России после Новгородской и Ирбитской. Мы узнали это в тишайшем городском музее, где на карте разноцветные ниточки торговых путей тянулись от Энска к Москве, Петербургу, Амстердаму, Парижу, Шанхаю, Калькутте, Лиссабо-

железным дорогам, и затих Энск. Собрано было в музее все, что только можно было собрать: фотографии, рисунки, макеты, — но как же это было бедно! «Мост через реку Грязнушку, выстроенный в годы пятилеток», «Здание городской бани, построенное в годы пятилеток», «Детище пятилеток — Энский жиркомбинат» — вот, собственно, и все.

Город был как город — типичный маленький город, оставшийся в стороне от больших дорог. Остановился в нем проездом на день, на два — увезешь с собою грустные воспоминания. Проживи в нем хотя бы месяц — поймешь своеобразную прелесть его, познакомишься с людьми, поймешь, что Энску есть чем гордиться. Есть потому, что и в этом маленьком го-

нового стиля произвести посадку деревьев против своих домов и принять меры к выращиванию этих деревьев и их сохранению. Посадку производить на расстоянии 5 аршин от линии домов. Деревья для посадки возможно получить из питомника (Октябрьская ул., № 118), у бывш. владельца питомника гр-на Дюзина.

Посадка деревьев обязательна. 23 мая будет объезжать специальная, назначенная для этого Комиссия, и на лиц, не исполнивших данного предписания, будут налагаться штрафы.

Лица, замеченные в порче и уничтожении посаженных деревьев, будут привлекаться к революционному суду.

*Комиссар Городского хозяйства
Иван МЕНЬШОВ.*

12 апреля 1918 г.

А через месяц ворвались в город белоказанки Дутова. И новое фото: «Дом Дюзина, по Октябрьской (бывш. Николаевской) ул. № 118, на чердаке которого был 23 июня 1918 года арестован по доносу купца Дюзина тов. Меньшов и расстрелян». Приземистый серый домик, слепые оконца, пудовый замок на воротах. Захватили здесь ясноглазого мечтателя, расстреляли в тот же час за дубовым забором, а мечта его исполнилась: цветут на улицах Энска тополя и акации.

Нет, не зря погиб Иван Меньшов! Колышется красный флаг над горисполкомом — в городе Советская власть. И пусть мало что переменялось тут внешне — внутри все переменялось. Было в Энске до революции два врача — сейчас пятьдесят четыре. Была одна-единственная гимназия (для чиновничьих и купеческих сынков) и три начальных училища (для «простых») — сейчас двадцать восемь школ для всех детей Энска, и четыре техникума, и два института. И учиться приезжают из дальних стран...

Город был, как город — типичный маленький советский город, обобщенный большой индустрией страны. А вокруг все строилось. Росли города, возникали заводы, в ста километрах от Энска нашли в Бушмуруне уголь, одно из богатейших месторождений страны; в пятидесяти верстах встала Чийская ГРЭС, в соседнем Вельске поднялся автозавод: пятилетки все ближе подходили к городу. Еще недавно все районное начальство садилось в воскресный день на машины — и айда охотиться в дикие степи. Теперь не поохотишься: там поднялась целина. Миллионы гектаров под хлебом, степные города, элеваторы, машины, дороги — жизнь!

В шестой пятилетке пришел черед Энску проснуться.

БОЛЬШИЕ ТОРГИ В ЭНСКЕ

— Я пока не вижу приемлемых предложений с вашей стороны, — острожно говорит Гордон. — Мы ведь привезли к вам серьезные заводы! А что мы

¹ Кроме Центролита, завод фрезерных станков и завод кузнечно-прессового оборудования. Это тоже крупные предприятия, но мы не будем говорить о них, потому что «никто не обнимет необъятного».

видим? Тут у вас зеленый пояс трогать нельзя, там роза ветров мешает, там рельеф — черт ногу сломит...

И тон у него при этом такой, будто городские руководители виноваты, что рельеф плох, что лес вырос двести лет назад, что ветры дуют на город. А те оправдываются. Почему? И здесь неплохо, и там прилично. Не нравится, берите участок за рекой! Вон на карте — где коробок лежит.

Гордон отодвигает спички. Смотрит на карту. Морщится.

— Э-э-э, что это для нас? Места мало. Нам ведь поселок нужен при заводах.

— Город застраивайте.

— Со сносом? Нет уж, спасибо. Нам пять тысяч человек на смену возить.

— А вы трамвай постройте.

— Ну, знаете, нам это не по карману!

Главный инженер проекта ведет себя, как опытный покупатель. Только вошел в горисполком, сразу появились в голосе незнакомые мне еще протяжно-ленивые нотки и этакий расслабленный вид. Дескать, он в этих площадках не особо и заинтересован. Что? Да нет! И «товар» ему не очень нравится...

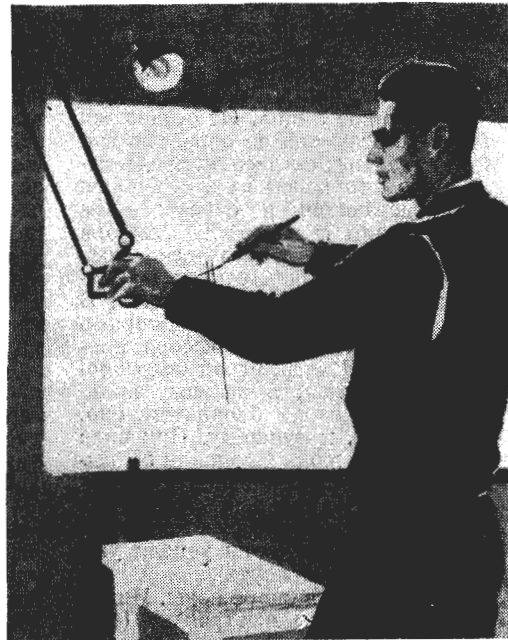
Председатель горисполкома Павел Сергеевич Марков, напротив, «продавец» неопытный. Марков волнуется. Любит он свой город, и уж больно ему охота заполучить такого дорогого «оптовика»: шутка ли, три завода сразу. Марков наседает:

— Да вы чего? Да где вы найдете такой «товар»?

Чем тише говорит приезжий, тем он громче; чем скептичнее настроен тот, тем он напористее. Он уж готов и цену снизить (бог с ним, с трамваем), и уступить (пусть уж строят все жилье при заводах), и, пожалуй, проделывал бы, если бы не третий участник этой торговой баталии.

Никита Михайлович Дубин — тоже товарищ опытный. В Таш-

1940

Слава вам, мечтатели,
штурмующие высь,—
Ученые, конструкторы, поэты,
инженеры!

кенте был главным архитектором, Магнитогорск строил в той же должности, сейчас начальник областного отдела по делам строительства и архитектуры. Всякое видел на своем веку. Дубин только прислушивается к тергу. Он как бы человек объективный: шел мимо, слышит, спор, остановился — в чем дело? Эге, браток, они тебя объегают. Такой «товар» — да за такую цену! Не отдавай! Что? Уйдут из города? Скатертью дорога! Тут только свишни, столько покупателей набегит... Земелька-то нечужа дорога!

А вокруг троих толпа: горархитектор, горземлеустроитель, горкоммунхоз, санинспектор. Те шумят, волнуются. Особенно коммунхоз Петров. Что ж это получается? А вы задарма хотели? Себе, мол, все, а городу ничего? Это не государственный подход.

— Ну да, — лениво говорит Гордон, — а вы все запрашиваете. У вас подход, как у невесты.

— Нет, это у вас жениховский подход! Чтоб жена была с коровой, с домом. А нет коровы — еду из Энска, в Усть-Борске буду жениться...

Идет спор в старинном торговом городе. Мне удобно прислушиваться к нему: здесь только инженерам известно мое «истинное лицо». От остальных моя профессия до поры скрыта. Когда мы явились к председателю горисполкома, Гордон представился и сказал: «Мы приехали к вам для выбора площадки...» В это «мы» молчаливо включен был и журналист, а я, каюсь, промолчал. В конце концов я ведь и впрямь прибыл сюда для выбора площадки. И хотя, играя роль проектировщика, я не могу пользоваться своим блокнотом, оно, пожалуй, к лучшему. При виде блокнота люди выбирали бы выражения, а так здесь идет самый натуральный спор, без оглядки на прессу (слухники мои не в счет: они успели уже ко мне привыкнуть).

Позиции в споре ясны. Инженерам нужно выстроить Центролит быстрее и дешевле.

А городу что, город доволен — милости просим. У старика Энска перспектива появилась. Только... если за рекой возьмете площадку, стройте тогда новый мост через Грязнушку. Что? Уйдете с этого места? Пожалуйста. Можем предложить вам северо-западный район, за слободой Гончаркой. Только, уж будьте ласковы, — канализацию. И заодно трамвай.

— Трамвай не будет! — говорит Гордон. — Это лишние двадцать пять миллионов рублей. Ясно?

Кое-как кончили миром эту драку. Мне уж казалось, что все рухнуло: нет никаких сомнений в том, что надо заводы отсюда увозить. Где ж тут сажать наш Центролит? Все ведь в Энске плохо...

★

— Не стоило так мучиться, чтобы узнать так мало, как сказал мальчик, дойдя до конца азбуки, — мрачно промолвил Лавров. И добавил: — Это из Диккенса, из «Пиквикского клуба» — помните?

До поздней ночи сидели они над картой города. Курили беспрерывно.

— Плохо... плохо... — вздыхал Гордон. — Направо пойдешь — смерть, налево повернешь — обратно гибель.

А Лавров время от времени вспоминал классические изречения, знал он их великое множество. И они работали, выбирали площадку, готовясь к завтрашнему решительному столкновению. В конце концов осталось всего лишь два варианта: либо сажать завод в юго-восточном районе, близ дизельного завода (это намечалось еще в Москве), либо уходить на северо-запад, за слободу Гончарку. В первом случае надо будет отбиться от застройки города, во втором — от водопровода, канализации, трамвая... Приняв это решение, они вроде бы даже и повеселели, заулыбались, принялись пить чай.

— Скажите мне, — попросил я, — почему вы, уважаемые товарищи, так жметесь? Ведь город просит у вас только то, что ему действительно необходимо!

В самом деле, как не понять было позицию города? С его бюджетом в 22 миллиона рублей, из которых 18 миллионов уходило на здравоохранение и народное образование (эти цифры сообщил нам Марков), город был бессилен. А рядом с такими заводами он не мог, права не имел оставаться захолустьем. Завтрашний день осенил Энска, на пыльные его улочки легли первые отблески будущих широких улиц, парков, набережных, по ним ходили уже не семьдесят тысяч жителей нынешнего Энска, а двести тысяч жителей. Надо было заранее позаботиться, чтобы им удобно было жить, работать, учиться, отдыхать. Город обязан был бороться за это. Разве не так?

Инженеры ответили на мой вопрос. Оба ответили, каждый по-своему.

— Вы имейте в виду, — сказал Гордон, — что техническая невозможность строительства вообще исключена. Мы забраковали сегодня дюжину площадок, а приказали бы нам — можно и там строить. Завод можно строить где угодно.

— Даже в пустыне, где нет воды?

— Конечно, — сказал Гордон. — Из Баку ведь протянули водопровод в Красноводск. А прежде возили пресную воду на пароходах. Когда надо, когда нет другого выхода, все можно сделать. Разве что в Антарктиде нельзя строить завод. Да и

то, было бы о ч е н ь нужно, что-нибудь сочинили бы. Нефть на море научились ведь добывать. Стало быть, речь у нас идет только об экономической целесообразности стройки. Ясно?

— «Нью-Васюки» помните? — спросил Лавров. — Это у Ильфа и Петрова. Приехал Остап Бендер в маленький, вrade этого, городишко и такие размалевал перспективы... Думаєте, мы не могли бы им сегодня наболтать? Уши бы развешили! Хотите театр — пожалуйста! Стадион побольше московского — ради бога! Может, вам метро заложить — это для нас ничего не составляет. Ну, и прочие «мелочи»: гранитные лестницы, аэропорт всемирного значения... Да тут такой бы «Нью-Энска» получился, какой Остапу и не снился. Только ведь нам с этим в Госстрой идти, в Министерство финансов, а там утопий не уважают.

Все это было понятно. Конечно, они были по-своему правы: зря швырять государственные деньги не следует. И потому все мелкие, местнические требования города надо решительно отвергать.

Но оставить Энска таким, какой он есть, тоже было бы неправильно.

Неужели ж рядом с первоклассными заводами должны стоять эти жалкие домишки? Да вы посмотрите, как здесь люди живут!

Лица инженеров стали суровы, когда они отвечали мне на это. Да, они все видят. Многого еще у нас не хватает. И если в это самое время государство считает нужным почти полмиллиарда рублей дать на строительство трех заводов в Энске, значит, они нужны, эти заводы. Вот как нужны!

Заводы здесь — аргумент, все остальное — функция. Вот мы и приехали сюда их строить. Центролит строить, а не Энска украшать!

Было часа три ночи, когда мы улеглись наконец спать. Найдя для разговора так, что пришлось открыть все окна. И уже в темноте я услышал голос Гордона:

— Ярослав, давай заключим конвенцию: с завтрашнего дня бросаем курить.

— Согласен, — без особого энтузиазма отозвался Лавров. — Только смотрите, чтобы не вышло, как в Новгороде.

Видно, не в первый раз они заключали такую «конвенцию».

☆

Второй день торжища был куда более ладен. Только мы явились в горисполком, Марков заботливо спросил:

— Выспались?

Было восемь часов утра. Мы сказали, что выспались.

— Ну, и отлично, — сказал хозяин города. — Добрее будете. И вообще есть у меня предложение: давайте сегодня спорить по-китайски. Как? А вежливо. Выслушивать, не перебивать и все время улыбаться друг другу. Договорились?

И мы, «по-китайски» улыбаясь друг другу, отправились смотреть площадки. Впереди ехала «Победа» Маркова, в ней сидели он сам, Гордон и Вера Петровна Арбузова, областного санинспектора. Следом шел «газик», в нем — Дубин и Лавров. В завершение колонны — «Москвич», в нем — коммунхоз Петров, городской землеустроитель и, наконец, представитель прессы, ваш покорный слуга. Сегодня с утра я нарушил свое «инкогнито», сказал Маркову, кто я такой.

Погода как назло испортилась, небо все было обложено серыми тучами, моросил с ночи нудный, затяжной дождь. Машины карабкались по проселочным дорогам, разбрызгивая лужи. Смотрели мы сперва «Вариант № 1» — участок близ дизельного завода. Завод этот уже строился, поднялись над землей большие корпуса, вселявшие надежду в сердца зиских патриотов. Здесь же, на юго-восточной окраине города, остолбены были площадки еще для пяти заводов: радиоаппаратуры, электродвигателей, сельхозмашин и других. Марков со вкусом повторил: «Наш промышленный район», «Здесь у нас будет промышленный район», «На юго-востоке мы организуем промышленный район...» Он непременно хотел здесь же посадить и Центролит, но Гордон все больше хмурился. Все вышло, как он ожидал: лучшие участки захвачены, места для жилья нет, рельеф здесь тоже не ахти — холмист. Все дорого, все плохо. Так он ничего и не сказал, повернулся и пошел к машине.

— Поехали смотреть «Вариант № 2»! — командовал Марков.

И вот он, торжественный момент: машины останавливаются посреди ровного поля. Все еще идет дождь, настойчиво дует ветер. Вдали, у железной дороги,

виден строящийся элеватор. Чуть ближе рассыпались домишки слободы Гончарки. Рыжий телок бродит по полю. А степь ровная-ровная.

— Ну, — торжествует Марков. — Что скажете?

— С точки зрения рельефа, пожалуй, приемлемо, — осторожно говорит Гордон.

— Да что там! Ровный стол. Во-о-он, где телок, и сажайте свой Центролит. Как?

Люди стоят под дождем нестройной группой. Дубин молчит, курит, прячет папироску от дождя, санинспекторша обжимает юбку от ветра, старик — землеустроитель зонтом навесил над головой газету. С удовольствием оглядывает простор Марков. С любопытством, нескрываемым и жадным, — Лавров. Скептически поджав губы, — Гордон.

— До каких пор городская земля? — интересуется он.

— Места хватит! Еще десять заводов ставьте — все примем.

— А конкретно?

— Конкретно тут у нас около пятисот гектаров. Как, вам подойдет?

— С точки зрения рельефа, пожалуй, приемлемо, — снова говорит Гордон, а глаза его тем временем цепко обшаривают степную ширь. — Меня другое беспокоит: нет ли здесь грунтовых вод... Есть у нас данные, Ярослав?

Марков показывает щедрой рукой элеватор:

— Такую махину не стали бы строить! Ну, так как?

Он все шумнее, все азартнее: предчувствие близкого решения веселит его. А Гордону, я знаю, давно уж нравится эта площадка, ровная, чистая, просторная; но чем ближе решающий момент, тем он сдержаннее.

— Что скажете, товарищи станкачи? — так Марков именует станкостроителей.

— С точки зрения рельефа, пожалуй, приемлемо, — в третий раз повторяет Гордон.

Люди расходятся по маши-

1941

Юность в борьбе

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!

нам. Машины разворачиваются и, лишний раз подчеркивая, что степь ровна, дуют напрямик, по траве. А я сижу в уголке и думаю: «Неужели это и был тот самый торжественный момент? Здесь будет город заложен...»

В молчании мы вернулись в горисполком, в молчании вошли в кабинет председателя. Стиль был совершенно «китайский» — все улыбались друг другу и были, как говорят, взаимно вежливы. Гордон первым нарушил молчание. Сел в кресле поудобнее — и к Лаврову нарочито ленивым голосом:

— А что, Ярослав Васильевич, пожалуй, можно остановиться пока на втором варианте?.. Надо будет сегодня же вызвать сюда геодезистов.

Он казался совершенно спокойным, но я видел: волнуется. Наввал вдруг Лаврова по имени-отчеству — этого прежде не было. А потом я заметил вдруг папироску у него во рту. Лавров шепнул мне: «Нарушитель конвенции!» — и сам с облегчением закурил. И все в комнате за-

шумели, задвигались: поняли, что решение принято.

— Что же, товарищи, — сказал Марков. — Разрешите пригласить вас всех на банкет по случаю завершения... строительства Центролита. Банкет состоится в 196... году, в новом Дворце культуры станкостроителей города Энска.

А когда все выходили из кабинета, он заговорщицки подмигнул мне:

— Эх! Нам бы только их здесь посадить. А уж там мы на станкачей сядем!

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

— Странно как бывает... — говорил мне Лавров. — Был в армии станковым пулеметчиком — называли меня «станкачом». Проектировщиком стал — опять «станкач». И это уж, видно, на всю жизнь.

К тому времени я знал, что поездка наша была для него очень важной. В какой-то мере она была его принципиальной победой. Светловолосый, голубоглазый, мягкий, я бы даже сказал, застенчивый, Лавров оказался на редкость упорным человеком. И жизнь его была упрямой жизнью.

Он, когда пришел после госпитали в институт, сразу удивил других студентов: попросил в деканате, чтобы ему не засчитывали экзаменов, которые он успел сдать до войны. И заново сдавал их вместе с первокурсниками. Им не понять было, зачем ему этот «лишний труд». А он все переабыл за войну — это была первая причина. Хотел стать не «абы каким», а хорошим инженером — вторая. И была еще третья, главная: первым из рабочей семьи Лавровых он добивался высшего образования и право свое на учение ценил высоко.

Дед Лаврова работал кровельщиком в калужских паровозовогоноремонтных мастерских.

В 1905 году в Калуге были забастовки: деда за участие в них выгнали с волчьим билетом. Отец Ярослава работал в тех же мастерских: в 1917 году, когда в Калуге устанавливалась Советская власть, создавал красногвардейские отряды, был замгубвоенкома. То, что завоевано было отцом и дедом, Ярославу пришлось отстаивать в последнюю войну — ушел с первого курса на фронт, начал простым солдатом, кончил офицером. В институт вернулся после ранения зрелым человеком.

Учился все годы хорошо: был отличником. Учился, кстати, в институте инженеров транспорта: и дед и отец его были ведь железнодорожниками. Жил трудно, бедно, но весело. Выпускал «Конструктор» — факультетскую стенновку. Играл в институтском джазе на трубе. Правда, бас этот не слишком певуч, все время: «Тум—па-па», «тум—па-па», — но зато в старинных вальсах труба вела мелодию, и тогда Ярослав блаженствовал. На втором курсе он снова удивил своих друзей. Ходил все еще в шинели, в гимнастерке и внимания на свою внешность не обращал. А тут вдруг подал заявление, да еще в стихах:

«В профком «Тоннедей и мостов»

Шлет заявление Лавров.
Проситель Ярослав Лавров
Ходить не может без штанов.
Штанов он не имеет ныне,
И, чтоб не быть такой картинке,
Что он явился в храм наук,
Как грек классический, без брью,

Проблемой сей он озабочен
И ордер выдать просит очень.
Чтоб вам сомненья все

отместь,
Напомним: он имеет честь
(Хоть вам на это иаплевать)
Порой «Конструктор»

оформдять,
Что в профсоюзе состоит,
Войны прошедшей инвалид,

Все делает, что ни прикажут.
Ему ж за это кукиш кажут.
Как чуда, ждет от вас штанов
Проситель Ярослав Лавров».

Профкомовцы сперва смеялись, потом устыдились, и ордер на брюки был выдан «просителю» в тот же час.

Когда инженера Лаврова направили после института в «Гипростанок», ему многие завидовали: остался человек в Москве, попал не на завод, а в проектный институт — вот ведь повезло! А он месяца два барахтался, спорил, хотел уходить. Чертежная доска, рейсшина — не о том он мечтал. Разве ж это настоящее дело? Преддипломную практику Лавров проходил на Магнитке. Магнитка навсегда покорила его воображение, и он рвался на Урал, писал директору «Гипростанка» Зуеву одно заявление за другим: ему не нравилось проектирование.

— Ты знаешь, на кого похож? — сказал ему Зуев. — На мальчика, который взялся изучать китайский язык, а увидел первый иероглиф и кричит: «Нет, это не по мне!» Ну, скажи, что ты понимаешь в проектном деле? Ни черта ты не понимаешь! Так как же ты можешь говорить: не нравится. Узнать сперва надо, понять. Если через полгода принесешь мне такое заявление, отпущу.

Через полгода Лавров заявлений уже не писал: втянулся, увлекся. Но упрямый его нрав остался при нем. Работал вначале генпланистом — для инженера-путейца самое подходящее дело. Года не прошло, перешел в технический отдел к Сахарову. Потерял при этом около двухсот рублей в месяц зарплаты, но все равно пошел: там была живая работа, ближе к жизни, к стройкам. А еще через год снова явился к директору института.

— Владимир Михайлович, так не может продолжаться. Вы смотрите, кто у нас работает

главными инженерами проектов. Моложе пятидесяти лет нет ни одного. Надо готовить им смену.

Зуев хитро посмотрел на него.

— Ты с Сахаровым говорил?

— О чем?

— О том, что ты хочешь уходить от него.

Лавров смутился:

— Я ведь не только о себе...

А все-таки? Что тебе Сахаров ответил?

— Не пушу, говорит. Хорошие генпланы, что мамонты.

— А ты ему?

— А я говорю: хорошие главные инженеры проектов, тоже что мамонты. Разве нет? Я, Владимир Михайлович, предлагаю: подобрать группу молодежи и «подсадить» к старикам, чтобы учились. Голикова Николая можно взять, технолога, да и не одних технологов — строителей выдвигать, генпланов... Меня, например, Михаил Яковлевич Гордон согласен учить.

— Погоди, погоди, Ярослав, — сказал Зуев. — Сейчас ты к этому разговору не готов. Подумай, поговори с ребятами, которые годятся на это дело. Со «стариками» посоветуйся. Через недельку приходи ко мне.

И Лавров вновь добился своего: ушел с работы более или менее спокойной на работу вполне беспокойную. Правда, он по-прежнему трудится в техотделе у Сахарова, но не раз уже выезжал на рекогносцировки с Гордоном, одним из опытейших главных инженеров: В последний раз, когда в Вологде Михаил Яковлевич заболел и лежал в гостинице, Ярослав сам бегал по городским организациям, а ночью докладывал все своему учителю, и тот намечал для него план работы на следующий день.

— Дух захватывает, какое это сложное дело! — говорил мне Лавров. — Главный инженер проекта, он ведь должен быть и технологом, и сантехником, и генпланом, и строителем, и энергетиком, и путейцем. И еще дипломатом — сами видели. Тут и знания нужны, и широкий кругозор, и организационные способности. Не знаю... Добился я участия в этой поездке, замахиваясь на большое дело, а выйдет ли — не поручусь. Жизнь у меня не так сложилась, как надо бы. Но до того мне хочется!..

*

Вечером, свалив на нас с Ярославом все заботы об ужине, Гордон принял к репродуктору.

«...Итак, счет 2:0 в пользу «Динамо». («Тише, тише!» — кричит нам Гордон.) А до конца игры остается... 14 минут. Мяч у вратаря турецкой команды. Сейчас он сделает свободный удар. Мяч в игре...»

На лице Михаила Яковлевича отражаются все перипетии далекой игры. Динамовцы обыгрывают турок. Здесь, в Энске, время близится к полуночи, темно на улицах, все еще стучит дождь, а там светло, и чудесная погода, и тысячи москвичей на трибунах. Гордон всей душой там.

— Тише вы, черти! Навесил... Эх, столкнулись! — повторяет он вслед за радиокомментатором, и видно, что для него это не просто слова.

...В 1929 году Гордон окончил политехнический институт и получил диплом инженера-механика. Ему и еще трем его приятелям предложили работу на Московском автозаводе. Они сказали, что подумают. Они прикидывали: восемь часов работы, два часа перерыв, да еще часа полтора туда дорога и полтора часа обратно: они жили в другом конце города.

— Часа два клади еще на общественные дела, — добавил один из них.

— А учиться, читать надо или не надо? — добавил другой.

— По-моему, — сказал третий, — там потеряешься: завод большой, работает и без нас хорошо — как ни трудись, никто твоей работы не заметит.

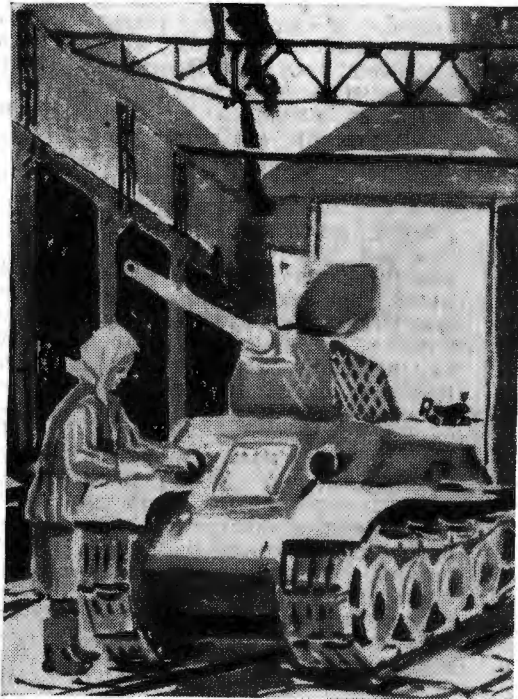
После этого все трое повернулись к Гордону: а он что думает?

— Я думаю, братцы: когда же спортом заниматься? — ответил Михаил.

И друзья решили уехать из Москвы. Да, представьте себе,

1942

Юность в борьбе

Трудились в тылу, у станков,
на полях,
Жили жизнью солдатской.

именно так: уехать из столицы, покинуть театры ее и прочие культурные ценности, жить, так сказать, в провинции. Где? Этого они еще не решили. Во всяком случае, там, где будет хорошая работа и интересная жизнь. Тут познакомился с ним главный инженер Ярославского автозавода.

— Хлопцы, — говорит, — ну что вы здесь киснете? Давайте все ко мне.

Так они попали в Ярославль. Квартиры получили близ завода, заработки были приличные, времени свободного много — жили, по определению Гордона, «как молодые боги». Главное — работа настоящая. Михаил сразу стал сменным инженером, вводил рационализацию, и труд его у всех был на

виду. Культура? Под боком театр Волкова — самый старый театр в России, рядом клуб, кино, стадион, библиотека. А захотел в столицу — есть на то отпуск.

Никогда впоследствии, став москвичом, Гордон не ходил столько в музеи и театры. И что особенно приятно, когда ты молод: был он в Ярославле заметным человеком — первый жених на заводе.

Пригласили его в местный институт читать курс «Двигатели внутреннего сгорания». Ребята с удовольствием слушали лекции заводского инженера. Это был 30-й год, большинство из них пришло в институт с заводов, а Михаил, как и они, был шесть лет до института рабочим — монтером и слесарем на одесской электростанции. Вдобавок он был молод и хорошо понимал роль шутки в мыслительном процессе — это студенты всегда умели ценить. Однажды шли они гурьбой после лекции, баловались с футбольным мячом, а навстречу — преподаватель. Ребята били мяч ногами, мяч подкатился ненароком под ноги преподавателя. Гордон ловко поддел его и... часа два гонял со студентами в футбол. Он был старым футболистом.

Рабочий паренек, проучившийся затем пять лет в институте, стал настоящим инженером. Он умно выбрал себе место в жизни. Молодым он поехал на молодой завод. Путь свой начал там, где все началось заново. И ему сразу дали самостоятельную работу, всем видны были и успехи его и ошибки. За успехи он получал премии, за ошибки его ругали; год от году рос его опыт... Разумеется, и в Москве, и на старом большом заводе толковый человек рано или поздно покажет себя. Тут все пошло быстрее: совсем другой темп жизни. Гордон поступил на Ярославский завод сменным инженером. Годы не прошло, стал заместителем начальника цеха, еще через год его выдвинули заместителем начальника отдела. Это был уже настоящий мастер своего дела, знающий инженер, умелый организатор, опытный руководитель.

А как же футбол?.. Женился в Ярославле наш герой, получил повышение, остепенился — какой уж тут футбол! Труссы, майку, бутсы со вздохом упрятал на дно чемодана. А за ок-

ном стадион, а на стадионе все стук да стук — бьют, черти! Как-то жены не было дома, вышел на поле. Просто так вышел, только посмотреть. Тренировалась первая сборная города. Вначале он честно «только смотрел». Потом стал подбрасывать мячи из-за ворот. Минут десять покндал — заметили. Подходят к нему:

— В футбол когда-нибудь играли?

— Приходилось.

— Пошли на поле!

Часа два побегал с ними, видит: игра против них крепкий.

— Не вступите ли в команду?

Играл в сборной Ярославля. Заводчане «болели» за своего инженера, и, как оказалось, авторитет его от этого не пострадал. Жена тоже приходила на все матчи и даже, судя по всему, гордилась мужем. А однажды прибежал он домой перед очередным матчем, сунулся в чемодан — ни бутс, ни мячки.

— Оленька, ты не видела моего ховяйства?

— Я, милый, старьевщику продала. Нам ведь все равно уезжать отсюда.

— Куда? Что еще выдумала?

— Почитай.

В письме был вызов: Михаил Гордона приглашали в Москву, на велозавод, на должность заместителя главного инженера.

Вот, собственно, и вся история. Человек строил свою жизнь так, как ему хотелось. Не по течению плыл, а против течения. Не легкого искал в жизни, а трудного, интересного. Ради этого и покинул четыре года назад Москву. Теперь он возвращался в столицу — «не мальчиком, но мужем» — одним из руководителей крупного завода.

☆

Я рассказываю все это тем из вас, кого увлечет профессия проектировщика, тем, кто захочет делать завтрашний день страны. Давайте-ка попробуем теперь общими усилиями извлечь «мораль» из человеческих судеб, которые прошли перед нами. Что в них поучительного?

Мы узнали жизнь Гордона, главного инженера проекта нашего Центролита. Человек поступил в институт лишь после того, как прошел большой путь рабочего; в проектное бюро он

пришел, пройдя большой путь заводского инженера-практика... Правильно ли это? Типично ли?

Вспомним Четверухина. Сергей Ильич, правда, уехал в Чехословакию, но я успел все же побеседовать с ним в один из ленинградских вечеров. Ему было семнадцать лет, когда он окончил среднюю школу. В вузы без производственного стажа в ту пору просто-напросто не принимали, и ему пришлось идти на завод простым рабочим. Можно было бы жалеть о «потерянных» трех годах жизни, но Сергей Четверухин не жалел. Днем он осваивал заводскую технику на практике, вечерами занимался теорией: его приняли на конструкторские курсы. Потом он получил должность конструктора, конструировал сушильные печи для московского завода «Станколит».

— Однако, знаете ли, — громко объяснял мне Сергей Ильич, — на одной бумаге далеко не уедешь. Да, не уедешь. Захотелось мне своими руками построить эти сушильные печи. И я перешел на «Станколит» и семь лет работал инженером по монтажу. Обычно, видите ли, если найдет строитель ошибку в чертежах, клянет проектировщика. А мне кого было проклинать? Сам свои же ошибки и исправлял. А потом те же печи и эксплуатировал: остался сменным инженером в цехе. И тут уж нарекания, какие обычно производственники адресуют строителям, опять же принимал в свой собственный адрес.

Между прочим, кандидатскую диссертацию Четверухин посвятил вопросу: «Интенсификация процессов сушки литейных форм». И вряд ли удивит кого то обстоятельство, что научная работа инженера сыграла немалую практическую роль: уж кто-кто, а он-то знал эти печи, все ступеньки своего образования по ним прошел.

Не знаю, как вам — мне этот путь кажется самым верным. Скажу вам больше: все или почти все инженеры «Гипростанка» — а я встречался со многими из них — шли в проектное бюро той же дорогой. Успех этих людей объясняется тем, что, проектируя завод, они всегда ставят себя мысленно в положение рабочего, мастера, инженера, которым придется на нем работать. А это им легко

сделать, ибо они и в самом деле были прежде рабочими, мастерами, заводскими инженерами.

Судьба Ярослава Лаврова — тут исключение. В те годы, когда этот человек мог бы трудиться на заводе, он рыл окопы и стрелял в фашистов из станкового пулемета.

Война отняла у него возможность пройти нормальный путь проектировщика. Вот и получилось, что он после школы поступил в институт, а прямо из института пришел в «Гипростанок».

Однако исключение это, на мой взгляд, только подтверждает общее правило. Ибо недостаток опыта Лаврову придется преодолевать огромным напряжением сил. Он ощущает этот недостаток и все время старается его восполнить — вырваться из проектного бюро поближе к производству, к заводам, стройкам.

Он понимает, что только так можно добиться настоящего успеха в жизни.

Итак, сделаем для себя вывод: если вы действительно хотите проектировать новые заводы, шахты, электростанции, не идите после института прямо в проектное бюро. «На одной бумаге далеко не уедешь». Это Четверухин справедливо заметил. Говорят, русский человек глазам не верит. Вот так и вы: не верьте глазам, не доверяйте слепо учебникам: они стареют. Своими руками «пощупайте» заводскую технику.

Я не говорю здесь о филологах, историках, астрономах, математиках, быть может, для них «разрывы» в образовании и необязательны. Но тем, кто решит посвятить себя технике, они не только полезны, но в наше время, пожалуй, даже необходимы.

...Однако я замечаю улыбку на губах искусственного читателя. «Все это красивые слова, — думает он. — Красивые слова для наивных людей... А я, — думает искусственный читатель, — окончу школу да еще постараюсь стать медалистом, а не выйдет, все равно буду пробиваться в институт. Всеми силами. Обязательно! А потом — в аспирантуру. Не в одну, так в другую. Не в станкостроительную, так в пищевую, в зубо-врачебную. А на завод я не пойду — дураков нет. Окончу институт, окончу аспирантуру, и...».

Если вы бонтесь испачкать руки о «грязный» металл и потому только решили заняться проектированием, что ж, и в этом случае говорить нам не о чем. Прыгайте тогда со школьной парты прямо на институтскую скамью, а со скамьи этой за чертежную доску — благополучный копиист, аккуратный исполнитель чужих заданий из вас вполне выйдет. И будете получать «приличную» зарплату и просиживать штаны, всю жизнь вычерчивая какую-нибудь «правую заднюю стойку» или «передний левый косяк» — тоже ведь дело полезное. А своих идей у вас не будет: откуда им взяться у человека, который не любит и не знает производства?

Мой разговор для тех из вас, кто хочет большого успеха в жизни. Для тех солдат, которые мечтают стать генералами, неважно, где: у станка ли, в заводской лаборатории или в проектном бюро.

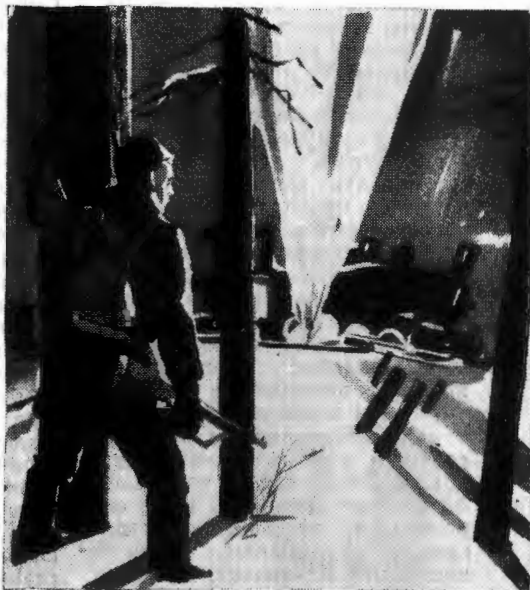
Им предстоит дорога дальняя и трудная, но где, когда, какой великий выбирал путь, чтобы протоптанней и легче?

ДВЕ ЖИЗНИ ГОРОДА

Энск жил в эти дни как бы двойной жизнью. Одна текла поверху — тихая, сонная, неторопливая, словно река Грязнушка, распаренная июльским зноем. В этой жизни по-прежнему скрипели на улицах возки, женщины собирались с ведрами у водоразборных кодонок, и едва ли не самым выдающимся событием был пуск на горномбинате нового автомата, выпускающего ириски «Золотой ключик». Но где-то внизу, под этой тишь да гладью, уже бурлили, бились роднички будущего, и хоть не способны они были еще ни на йоту изменить течение нынешней жизни, именно им, этим родничкам, суждено было разлиться могучим потоком.

1947

ЮНОСТЬ В БОРЬБЕ

Комсомольское подполье
Поднялось за честь страны.

Все новые люди втягивались в эту бурную, скрытую до поры жизнь.

С утра Гордон усаживал меня за пишущую машинку. Машинку мы одолжили в горисполкоме, а самой квалифицированной «машинисткой» на беду оказался я.

Ничего не поделаешь, пришлось печатать. Гордон диктовал:

«Постановлением Совета Министров Союза ССР от 9 февраля 1956 года в городе Энске намечено строительство специализированного литейного завода, завода фрезерных станков и завода кузнечно-прессового оборудования. В соответствии с указанным постановлением просим Вас...»

Так начинались все наши послания — я уж знал это наизусть. Дальше текст менялся в зависимости от адресата. Сегодня мы обращались к энергетикам:

«...выдать технические усло-

вия на присоединение выше-
означенных заводов к местным
сетям электроснабжения. По-
требность заводов и поселка в
энергии составит 13 тысяч ки-
ловатт. Строительство закон-
чится в 196... году».

...Без энергии завод мертв.
Вот мы выбрали для него место
в холмистой степи, за слободой
Гончаркой, но пока не подойде-
туда линия электропередачи.
Центролит не даст ни одной от-
ливки. Ему нужна энергия. Что-
бы крутить станки, чтобы
встряивать выбивные решетки,
чтобы приводить в движение
насосы гидрокومات, подавать
пневмотранспортом землю, под-
нимать кранами тяжелые от-
ливки, нагнетать в цехи свежий
воздух, чтобы освещать завод,
чтобы показывать в клубе но-
вые фильмы. Центролит —
крупный потребитель энергии.
Где мы возьмем ее?

«На сегодняшний день, как
сообщил нам коммуналка Пет-
ров, в Энске зарегистрирован
43 электростанции. Я был обра-
дован, но инженеры мож-
но сразу заулыбались: они-то
знали, что это значит. Работает
на Жиркомбинате дизелек,
освещает с грехом пополам два
цеха — это именуется электростан-
цией; крутится слабосиль-
ный генератор на швейной фаб-
рике — тоже электростанция;
пимокатная артель добывает с
помощью старого локомотива
энергию для своих нужд — и у
них числится электростанция.
«Де-юре», как выразился Пет-
ров, — это электростанция, а
«де-факто» — пыхтелки и та-
рахтелки: мощность их состав-
ляет всего-навсего полторы ты-
сячи киловатт.

— Сколько, вы говорите,
вам нужно? Тринадцать тысяч
киловатт? Ну, это для нас
не проблема. Это мы вам да-
дим.

Сидим, беседуем с энергети-
ками. Они расположились вре-
менно в неказистом домишке
на окраине Энска. В кабинете
главного инженера на пись-
менном столе — керосиновая
«молния»: другого света в этой
слободке пока что нет.

— Тринадцать тысяч мы вам
дадим. Но с одним условием.
Раз уж вы первыми садитесь в
северо-западном районе, при-
дется вам строить у себя пони-
зительную подстанцию мощно-
стью 40 тысяч киловатт.

— Побойтесь бога! — вска-
кивает Гордон. — Нам ведь та-
кая станция ни к чему. Велика.

Закипает спор, но энергетики
непреклонны. Вы смотрите: ря-
дом с заводами — элеватор,
кирпичный завод, железнодо-
рожное депо. И о колхозах
окрестных надо позаботиться.
Что ж, прикажете им тоже
строить свои карликовые транс-
форматоры? Так у нас дело не
пойдет. Зато мы вам даем го-
товую энергию, и дешевую
энергию, и притом в любых ко-
личествах. Вы смотрите...

Керосиновая лампа отодви-
гается в сторонку, и на столе
является неизменная карта.
На ней будущий «электриче-
ский» Энск...

Да, друзья, снова, в который
уж раз, мы сталкиваемся с бу-
дущим. То был Энск «на се-
годняшний день», а тут — «на
завтрашний». И, кстати говоря,
он вовсе недалеко, этот завтраш-
ний день, он совсем близко, он
уже виден. Можно даже, если
желаете, измерить до него рас-
стояние по карте: сегодня это
ровно восемь километров... Су-
дите сами: в пятидесяти вер-
стах от Энска поднялась Чий-
ская ГРЭС — тепловая электростан-
ция, работающая на буржу-
нских углях. Первая очередь
уже пущена, а когда в 1958 го-
ду будет завершена вся строи-
лка, мощность станции превысит
миллион киловатт.

Хорошо, скажете вы, но при-
чем же здесь Энск? А при том,
что высоковольтную линию от
Чийской ГРЭС уже тянут сюда.
И от последней металлической
опоры, установленной в степи
только вчера, до нашего городка
осталось всего-навсего в о-
семь километров. Теперь по-
нятно?

Вот ведь почему в Энск по-
тянулись богатые «оптовики».
Столько лет обходили городок,
а тут вдруг повадились — за
короткий срок девять заво-
дов! Приданое появилось у
«невесты», завтрашний Энск
богат энергией — вот в чем
секрет.

Богат он, впрочем, и водой.

Без воды заводу тоже не
жить. Вода нужна для приго-
товления «земли», для очистки
литья, для охлаждения машин,
для отопления завода, для
мытья полов и стен, для полив-
ки деревьев, для питья, на-
конец... Но река здесь мелкая,
мутная, илстая — одно слово:
Грязнушка. Где мы возьмем
эту воду?

В горисполкоме на одной из
дверей приклеплен листок бу-
маги, на нем коряво чернилами

выведено: «16-я экспедиция».
В комнате шумно. Смеются
девчата-коллекторы в рези-
новых брюках, стучат сапожи-
щами здоровенные парни-буров-
ики. В углу свалены трубы и
штанги, стоят на треногах при-
боры, лежат ящики с керна-
ми — образцами грунтов. И,
конечно, висят на стенах гео-
логические карты.

— Воду? Что ж, это мож-
но, — говорит начальник экспе-
диции. — Есть тут один при-
личный водоносный горизонт в
толще земли. Глубина? От соро-
ка до шестидесяти метров. Да,
это точно. Какие еще возмож-
ны варианты? Да вот вам самый
простой: цепляйтесь к городскому
водопроводу. Слаб? Так его
же усиливают раза в четыре.
Проект вы сможете получить в
клевском «Водоканалпроекте».
Отличная питьевая вода... На-
счет промышленной воды?
А сколько вам требуется?..
Н-да, тут дело посложнее. Нет,
свое водохранилище у вас не
выйдет. За Гончаркой ни речуш-
ки, ни овражка, ни балки —
даже зацепиться не за что...
Придется вам, пожалуй, брать
воду из Грязнушки. Плоховата?
Так это ж дело поправимое!
В 1958 году подпор в ней будет
четыре метра, «с ручками»!
Точно вам говорю — для того и
сидим здесь.

Опять будущее! Завтрашний
Энск обзаведется настоящей ре-
кой. Пожалуй, и название ей
придется сменить. Грязнушку
ниже города перегорит высо-
кая дамба, паводок 1958 года
будет пойман, задержан, и тогда
здесь соберется богатое водо-
охранилище. Человек сохранит
богатство, которое река прома-
тывала за неделю, он будет
«срабатывать» реку по-хозяй-
ски, расчетливо и умело. Глу-
бина водохранилища — четыре
метра, ширина в иных местах —
до километра. Два моста пере-
бросятся через полноводную
реку, поплывут по ней катера,
яхты... Воды — залейся!

★

— Вы роман будете пи-
сать? — спросил меня вдруг
Лавров.

Мы шли в это время по ули-
це и очень горопились.

— Я ведь вам говорил, Яро-
слав Васильевич: простой ре-
портаж.

— Ну, считайте, вам крупно
повезло.

— Не понимаю.

— А сейчас придем в санинспекцию — поймете.

Он хитро улыбался.

— Что же все-таки я пойму?

— В романе главное что? — сказал Лавров. — Любовь. Вот и пришлось бы вам нашего Михаила Яковлевича «влюбить» в санинспекторшу.

— Ну и что же?

— Б-р-р-р! — отозвался Гордон. — У меня эта медицина вот где сидит! — И он весьма выразительно хлопнул себя ладонью по шее.

Вера Петровна Арбузова, областная санинспектор, приняла моих друзей весьма вежливо. Я бы даже сказал, приветливо. Это была маленькая женщина, русоголовая, сероглазая, крепкая.

— Очень хорошо, что вы пришли, — сказала она. — Хочу с вами, товарищи инженеры, посоветоваться. Я ведь в технике полный профан.

Вера Петровна улыбнулась. Когда она улыбалась, ямочки появлялись на ее румяных щеках.

— Понимаете, год уже воюю с местным кинотеатром. Все время у них вентиляция портится. Киноаппарат — сложная машина — ни разу не сломался. А вот вентилятор — куда проще агрегат — ломается. Чем вы объясните такой технический феномен?

— Вы это сами отлично знаете, — ответил Гордон.

— Конечно, знаю, — спокойно согласилась она. — Если сломается киноаппарат, директор сорвет выполнение плана, и его за это снимут с работы. А за то, что у него духота в зале, я ему от силы выговор схлопочу. Это вы имели в виду?

— Вы удивительно точно сформулировали мою мысль.

— А что мне делать?

Тут уж Гордон улыбнулся, улыбнулся снисходительно.

— Видите ли, — сказал он. — С техническими «феноменами» такого рода и бороться нужно с помощью техники. Добейтесь, чтобы кинопроекторный аппарат был сблочирован с вентиляцией. Не понимаете? Ну, лифт помните? Он ведь не пойдет, пока вы не захлопнете дверцу. Так и здесь: пока не закрутятся вентилятор, они и фильм крутить не смогут... О, автоблокировка — великая вещь!

— Спасибо за совет. Я это запомню, — сказала Вера Пет-

ровна. И неожиданно спросила: — А у вас предусмотрена эта самая... блокировка?

— Где у нас?

— На Центролите, разумеется. Смогут ли работать вагранки, сушилка, выбивные решетки при выключенной вентиляции?

Гордон и Лавров переглянулись. У Ярослава Васильевича всегда был при себе портфель со всеми нашими документами. Ни слова не говоря, он тут же достал пачку бумаг и быстро нзшел ту, которая требовалась.

— Вот, — не без торжества сказал он. — Можете прочитать: «...а также предусматривается автоблокировка центральной пылесосной установки и вентиляционных устройств с оборудованием литейных цехов». Вас это устраивает?

Вера Петровна черкнула что-то в своем блокнотике.

— Благодарю вас, — сказала она. — О Центролите вы позаботились. А как насчет города?

— Розу ветров мы учли, — быстро сказал Гордон.

— Еще бы не учли! Только ветер может и на город повернуть. Какие у вас ставятся фильтры? Будут ли мокрые скрубера?

Эта маленькая улыбающаяся женщина, которая объявила себя профаном в технике, отлично знала производство. То есть она, конечно, не очень разбиралась в тонкостях технологии. Но зато все «вредности», какие могут выделяться в литейных цехах, она знала. И шаг за шагом, ничего не упуская из виду, требовала от инженеров ясных ответов на свои вопросы: что они собираются делать с пылью, окисью углерода, отходами газоденераторной станции?

— Вот что я вам скажу, дорогие товарищи, — говорила Вера Петровна, разворачивая перед нами карту (была, оказывается, и у «медицины» своя карта). — Здесь у нас зеленый

1947

Юность в борьбе

Добыв победу для родной земли из пламени всемирного пожара, Герои человечество спасли от черного фашистского кошмара.

пояс. Видите? Сейчас в лесу четыре пионерских лагеря. Выстройте свои заводы — и вам отрежут участок для ваших детей. Вот здесь, за чертой города, у самой реки, расположен санаторий «Сухобродское». В 1960 году намеряем открыть курорт всесоюзного значения, ясно?

— Ясно-то ясно, — сказал Гордон. — Только к чему вы все это нам говорите?

— Солнцестояние в Энске, как в Крыму, — продолжала она, — столько же теплых, солнечных дней в году. Климат исключительно мягкий. Воздух сухой и свежий. Наконец, ку-

мыс — наше степное богатство...

— Но при чем тут все-таки Центролит?

Вера Петровна улыбнулась:

— Я думаю, вы уж догадаетесь, при чем. У вас, дорогие товарищи, где завод, там обязательно дым, туман, гарь, копоть. Леса желтеют, в городе окно открыть нельзя, в реке рыба дохнет от промышленных стоков. А мне нужно, чтобы вы все у нас оставили в неприкосновенности: воздух, солище, лес, воду.

— Ну да, — сказал Лавров, — ваш лозунг: «Назад к предкам!» Дай вам волю, вы вообще бы все стройки запретили. И не было б у нас ни заводов, ни домен — один «чистый» воздух!

— Вы поймите, Вера Петровна, — примирительно — сказал Гордон, — мы литейный завод приехали строить, не детский садик. А из заводских труб испокон веку дым идет. Вы говорите, стоки. Да, у нас будут отработанные воды. И, между прочим, немало: почти триста шестьдесят кубометров в час. Допустим, мы вас послушали: в Грязнушку их не сбрасываем. А куда? Может, на самолетах прикажете вывозить?.. Нет, как это ни прискорбно, но пока стране нужна индустрия, придется вам с этим мириться. И вы при всем желании ничего тут не придумаете.

— А автоблокировка? — глянула на него Вера Петровна. — Не надо прибедняться, не такие уж вы беспомощные. Поставьте хорошие фильтры — кончатся дым; сделайте шламоотстойники — сточные воды пойдут в реку очищенными. Одна беда: забываете вы об этом. О вагранках помните, а об этом забываете. Почему? А все потому же: без вагранок завод работать не будет, а без очистных сооружений, пожалуйста, работает. Я хочу, товарищи, чтобы вы хорошо запомнили: в шестой пятилетке мы этого не допустим. И своего добьемся. Автоблокировка — великая вещь!

— И да... — только и сказал Гордон.

Когда мы вышли из кабинета Арбузовой, инженеры мои были оба мрачны и молчаливы. А я вспоминал работу ленинградских сантехников, отзывы профессоров из Института охраны труда, которые консультировали проект, и думал о том, что врачи с первого дня следят

за нашим Центролитом. Цепко следили. Они тоже заботились о завтрашнем дне, и, конечно, спорить с ними инженерам было трудно: врачу у нас доверено самое дорогое — здоровье советского человека.

— Ну, чего вы дуетесь? — сказал я своим спутникам. — Ведь она кругом права.

— Конечно, права! — сказал Гордон.

— И вы все равно сделаете все, что она потребовала.

— Конечно, сделаем!

— Так чего же вы спорили?

— Б-р-р! Вот где у меня медицина сидит, — сказал Гордон и хлопнул себя ладонью по шее.

☆

Еще день прошел — они занялись новым важным делом. На Центролите, в заводоуправлении, в лаборатории, во всех корпусах и пролетах, да и в квартирах многих инженеров, мастеров, рабочих должны быть телефоны. И, разумеется, радио. С самого утра мы договаривались о встрече со связистами города:

А телефон в Эниске, надо вам сказать, уютный, домашний. Номеров запоминать не надо. Смело никакой трубку, проси: «Пожалуйста, горком комсомола», или: «Дайте кинотеатр Островского», или: «Соедините с баней», — соединят. Можно еще проще: «Будьте добры, Павла Сергеевича», «Товарища Маркова? — переспросит телефонистка. — Он вышел из горисполкома. Сейчас дома, обедает. Минуточку... Соединю». Лавров спросил телефонисток разыскать начальника отделения связи, узнал у них заодно его имя и отчество, через минуту договорился с ним о встрече, а еще через двадцать минут мы уже сидели у него. Это был маленький старичок в чистеньком форменном мундире, очень тихонький, часто вздыхающий, убитый.

— Сколько у вас будет абонентов? — первым делом спросил он.

— Порядка ста — ста двадцати номеров, — ответил Гордон. — На первое время.

— Так... — вздохнул связист. — Вам сто, да дизельному сто, да это только говорится, что сто, а отстроите — вам двухсот будет мало, да и остальные заводы, как говорится, не глухие... Да-а-а, тут уж нам без АТС никак не обойтись. Надо ручную станцию заменять

автоматической. Построить АТС тысячи на три номеров — понимаете? Только мы люди небогатые, и тут уж капиталы должны вложить все заинтересованные ведомства. Вот и вы тоже, я надеюсь...

— В порядке долевого участия мы согласны, — сказал Гордон.

— И еще, — быстро сказал связист. — Надо будет вам проложить подземный кабель. По городу — в асбоцементных трубах.

— Много?

— Считайте сами: отсюда, где мы с вами сидим, по Советской улице, потом поворот на улицу Ивана Меньшова, потом на кронштейнах через новый мост, а уж там, по степи, можно и на столбах — воздушным кабелем... Километра три.

— Сколько это будет стоить?

— Около... Сейчас прикинем.

Ну, около двадцати пяти тысяч рублей. — совсем робко сказал связист.

— Но это-то уж все?

— Все-все, — ласково кивнул старичок. — Радиофикацию вы, конечно, сами предусматриваете. А насчет телевидения...

— Позвольте, какие еще телевидение?!

— А как же! Мы ведь, начиная с 1960 года, будем в зоне действия телевизионных передач.

Будущее, снова будущее!.. Разные люди встречались нам в Эниске, разного возраста, разных характеров и специальностей разных, но всех их роднила одна общая черта: забота о завтрашнем дне своего города. Это были настоящие люди с загадом — в ленинском понимании этого слова.

Да, таких мечтателей любил Владимир Ильич Ленин. Сам он, по выражению Горького, половиной великой души своей жил всегда в будущем и умение это — видеть завтрашний день страны — ценил в людях чрезвычайно высоко. «У нас не хватает как раз спецов с размахом или «с загадом», — писал Ленин в январе 1920 года. И вот теперь, на сороковом году революции, мы встречаем в самом обыкновенном городке десятки специалистов своего дела, которым свойственна эта смелая, по-хозяйски уверенная устремленность в будущее.

Дело тут даже не в душевных качествах этих людей. Вы понимаете, конечно, что и бизнесмены неглупы. Немало найдется

среди них людей энергичных, умелых, знающих. Но будь он хоть семи пядей во лбу, капиталист способен оценивать сегодняшний день и только сегодняшний! Завтра может наступить кризис, завтра может вспыхнуть забастовка, завтра товар может потерять цену, завтра... Мало ли что может произойти завтра! А в Стране Советов весь народ уверен в завтрашнем дне и хозяйское отношение к будущему становится всеобщим свойством.

Честно говоря, я даже не предполагал до этой поездки, что столько народу «впрямую» занимается будущим в наших городах. Ну, хоть этот старичок-связист — что я знал о нем? Думал: сидит за своим стеклянным окошечком. Или врач? Или железнодорожники (пришлось нам и с ними столкнуться)? Ну, встречал наш поезд начальник станции в красной фуражке, видели мы его, когда приехали в Энска, подхватили свои чемоданы и прошли мимо. Какое у него дело? Встречать и провожать поезда: местные, дальние, товарные, пассажирские...

— Значит, у вас три завода? — вежливо интересовался начальник станции. — Понимаю. Грузооборот — восемьдесят вагонов в сутки? Прилично... Можем примкнуть вас на ветку элеватора, вот здесь.

— Нет, нам это не подойдет, — сказал Лавров.

Клиент капризный, понимаю. Осенью, когда идет хлеб, тут действительно напряженно... Нет, эта стрелка тоже неудобна: тут у нас совхозы, лесогрубы — все забито. Что? Да, тут свободно... пока. Вы ведь знаете: через два года полностью вступит в строй Чийская ГРЭС. В час она будет сжигать тысячу тонн угля — восемь составов в сутки. Да-а, задача!

Потом мы шли вместе с путейцами вдоль линии железной дороги и свернули с нее в том самом месте, где намечена была новая ветка, и пошли дальше, мимо элеватора, мимо Гончарки — к нашему Центролиту. Ничего еще не было здесь — все та же степная ширь, полынь и солнце. Люди шли по сухой траве, останавливались, спорили, размещали платформы, пути, переходные мостки, стрелки... И я представил себе, как прошагают сюда смоленные шпалы, как рельсы приведут в эту

степь первый состав с цементом, камнем, подъемными кранами, машинами — с этого ведь и начнется стройка. А когда она закончится, по тем же рельсам пойдет первый состав с готовой продукцией.

Мы простились с путейцами, начальник станции надел красную фуражку и пошел встречать свои поезда, а вечером Гордон диктовал мне уже новое послание — к архитекторам. На сей раз он просил: «...запроектировать на указанной территории площадью в 70 гектаров жилой поселок станкостроителей гор. Энска. В поселке предусмотреть следующие культурно-бытовые учреждения: клуб, детские сады, детские ясли, школы, поликлинику, больницу, столовые, магазины, ателье, парикмахерские, отдельные связи, гаражи для индивидуальных машин, стадион...»

— Подождите, не печатайте, — сказал в этом месте Гордон. — Я думаю, не мешало бы еще дать внутриквартальные и дворовые спортплощадки. Знаете, волейбол, баскет, городки. Ну и, конечно, чтобы мальчишки могли погонять в футбол. Как ваше мнение, Ярослав? Согласен? Пишите дальше: «Предусмотреть в вышеназванных кварталах, а также во дворах спортивные площадки, которые...»

Так и писалась эта удивительная поэма о большом будущем маленького Энска. И каждая новая глава ее начиналась словами:

«Постановлением Совета Министров Союза ССР...». Что ж, если вдуматься, и это было справедливо. С постановления партни и правительства все это и началось.

ДЕНЬ ПОСЛЕДНИЙ

В Энке запахло стройкой. Все уже, по существу, было утрясено. Довольны были и энергетики, и связисты, и геологи, и путейцы, и даже «медicina» была как будто умиротворена. К обоюдному согласию за-

1945

Юность в борьбе

Салют победе, что в Берлине
Огнем попала мощь огня.

кончился и спор заводов с городом. Город отказался от трамвая: заводы согласились проложить автодорогу — по ней будет ходить автобусы. Город уже не требовал строительства кинотеатра — заводы согласились принять на себя строительство школы-интерната. Город разрешил станкостроителям 80 процентов жилья строить близ заводов — они обязались 20 процентов своего жилья поставить в центре города.

Контуры будущего Энска видны были всем. Порешили даже заказать генеральный план реконструкции «Гипрогору» — Институту проектирования городов: когда идут преобразования такого масштаба, нельзя допускать кустарщины. Архитекторы учтут прежде всего, что вместо однообразной, плоской, одноэтажной застройки город получит определенный и красивый индустриальный силуэт. И он не будет прятать

свои гиганты-заводы, он будет гордиться ими. В свое время в Магнитогорске так была сделана трассировка правобережных улиц, что с любой из них люди могли увидеть грандиозную панораму металлургического комбината. Так и здесь: с любой улицы нового, северо-западного района Энска будет виден Центролит. Улицы будут полны зелени: зелень — великий элемент архитектуры. Скверы и парки будут спускаться к новым набережным — широкая водная магистраль пересечет весь город, станет частью его. В центре Энска старые купеческие лабазы пойдут на слом, на их месте вырастут новые, красивые здания. Вот для чего, кстати, нужны городу 20 процентов жилья станкостроителей, так же, впро-

что они всем довольны, что требования города считают справедливыми и вовсе не чрезмерными.

Но, видимо, «покупатели» наши до конца не хотят выходить из роли.

— Ощипали вы нас, — говорит Гордон. — Никогда еще на наши заводы столько не навешивали.

— Ну что мы на вас навесили? — подскочил Марков. — Что вы стонете? Школы, клубы, больницы — это вы своим рабочим строите. Понятно? Кстати, есть еще одно замечание...

— Крокодилы вы! — приторно вздохнул Гордон. — По миру нас хотите пустить.

— Вас, таких, пустишь, как же! — сказал в ответ Дубин. — Но знаете, если без шуток, я у

сивый. парень лет двадцати двух.

Варыв вопросов:

— Как, Женя, ехал? Когда выехал? Что в Москве? Что нового в институте? Где остальные? Где инструменты? Когда прибыл? Где устроился?

Он отвечал на все разом:

— Ехал скорым. Один приехал. Вера Юрганова пока осталась в Москве, оформляет чертежи. В институте все постарому. Сейчас адрал — сдают Второй Мукденский. Четверухин вернулся только что из Праги, а Тетерин, теплотехник, вылетел во Вьетнам. Нет, инструменты сюда вышлю багажом. Ну да, я ж собрался в один день, как солдат. В четверг еще делал съемку на Волге. — в пятницу вызвали, в субботу — к

чем, как и жилья дизелистов, и радиотехников, и сельхозмашиностроителей: со всех своих новых заводов город собирает эту «дань». А окраины его, грязные слободы, вроде Гончарки, станут в будущем индустриальными районами. Дома здесь будут в основном трех- и четырехэтажными — это и экономично и красиво. Меж ними «архитектура малых форм»: клумбы, скверы, фонтаны, книжные киоски, бассейны, скульптуры, чугунные фигурные ограды. Заглянешь во двор — и там зелень, на спортплощадке играют ребята...

— Совершенно здорово все получается, — радуется Марков.

— Сказка, — привычно хмурится Гордон. — Сон!

— И чем дальше, тем страшней, — добавляет Лавров.

Они все еще лукавят. Я-то слышал их разговоры и знаю,

вас за эти дни многому научился. Спасибо.

— Ну да, — сказал Лавров. — «Ограбят и скажут: «Мерси, месье». — И по обыкновению добавил: — Это из Маяковского.

Посмеялись.

А прощание было дружеское, и рукопожатия — крепкие, и взгляды — открытые: друг другу в глаза.

☆

Последнее наше утро в Энке. Громкий стук в дверь — и сразу радостные возгласы моих друзей:

— Евгений Дмитриевич!

— Женя!

А в ответ басок, старающийся быть басом:

— Здравствуйте, Михаил Яковлевич! Здравствуйте, Ярослав Васильевич!

Решительной походкой к нам входил высокий загорелый кра-

вам. Что? Ну, Ярослав Васильевич, как это «уважающий себя человек в субботу не поедет»? А я человек, уважающий людей. Мне сказали: «Они там сидят, без тебя выехать не могут». Это вы, значит. Ну, я и сорвался. Да, приехал ночью, в четыре часа. Номер почему не снял? Вы же знаете нашего бухгалтера: «Давай! Давай! Вылетай!» «А командировочные?» «Переведу телеграфом». Билета в общий вагон я не достал, пришлось ехать купированным — ну, все деньги, что у меня были, и проехал. А здесь почта с девяти... Что ночью делал? А ходил по городу, приглядывался. Смотрю: застройка, как говорится, одноэтажная, мощных улиц — ни одной. Ну, думаю, работенки хватит. А полигонометрических знаков нет — трудно придется. Что здесь у вас? Сколько съемки?

— Около двухсот гектаров.
— Ну вот, видите. А мне говорят: «Давай! Скорей! За неделю что было!» Надоело мне это. Мотаешься, мотаешься — разве это работа? Ей-богу, плюну на все и уйду из «Гипростанка»! Где у вас площадка? — спросил он тут же без всякого перехода.

— С балкона видно.
Парень снял с плеча великолепный полевой бинокль и вышел с Лавровым на балкон, с которого действительно проглядывала далекая степь. Это был, я догадался, Женя Иволгин, геодезист.

Работа проектировщиков подошла к концу. На бумаге лежали корпуса Центролита, в степи за Гончаркой было выбрано для них место, намечены были и подъездные пути и линии электропередачи водоснабжения, связи. Теперь все это предстояло «перенести на натуру» — вычертить как бы огромный чертеж на земле. Это и делает Женя Иволгин, предварительно вымерив степь, каждую ее западинку, каждый холмик с точностью до миллиметра. А геологи, которые приедут сюда вслед за ним, изучат грунты, на которых стоят заводы и поселку...

Мы завтракали, пили чай, усердно потчевали гостя, а задно, чтобы не терять драгоценного времени, Гордон давал ему задание:

— В первую очередь, Женя, сделаешь съемку жилого поселка. Задание я тебе оставляю. Но в общем ты уже видел: ровное поле, строений никаких, одна Гончарка.

— А это что?
— Слободка.
— Собаки, значит, имеются,
— Они здесь низкорослые.
— Ясно, — деловито заключил Женя. — Будут, значит, только до колен брюки рвать.

Тут же после завтрака они выехали с Лавровым на первую топографическую рекогносцировку. Ездили около часа. Вернулись довольные.

— Интересно, — сказал он.
— А как насчет ухода из «Гипростанка»? — сощурился Гордон. — Будешь заявление подавать?

— Странная вещь, — просто сказал Женя Иволгин. — Я и сам себя не пойму. Ехал сюда — злился на беспорядки наши, клял свою кочевую жизнь. Приехал, увидел степь — интересно. Простор, масштаб и срочность — это ведь тоже

увлекает. А главное, стройкой пахнет. Я ведь когда с Волги уезжал, там уже котлован закладывали.

Сроки там были, по его словам, «скоропостижные»: дали ему на все про все полмесяца. А шли дожди, и трудно было вести съемку. Еще раньше был Горький — самая распутица, ледоход — лед еще на Волге взрывали. А до Горького был Жигач — в самые морозы туда попали, снегу невпроворот, на лыжах даже проваливались. «Жуткое дело!» — с истинным удовольствием вспоминал он. А теперь будет Энс — самая жара, безводье, пылица.

— Ну, ничего, — говорил Женя Иволгин. — Мы ведь сейчас новый метод освоили — нивелировку по квадратам. Красивая, между прочим, вещь! Стоишь у нивелира, а двадцать реечников по полю бегают — только успевай командовать.

— Сколько у вас будет геодезистов? — спросил я.

— Вера Юрганова скоро приедет да я.

— Значит, вам нужно больше двадцати реечников?

— Обязательно.

— Где ж вы их возьмете?

Женя ответил басом:

— Дело знакомое. Сейчас я перво-наперво в горком комсомола. Представляюсь: «Иволгин, начальник экспедиции». Они спрашивают: «А где экспедиция?» Я говорю: «Выделите мне двадцать крепких ребят — будет экспедиция». И все. Тут, знаете, сколько желающих набегит? Михаил Яковлевич, — неожиданно повернулся он к Гордону, — где задание?

Гордон диктовал:

— Произвести топо-геодезическую съемку участка, отведенного для строительства заводов и поселка, в следующих границах: улица Канавинская, далее направлением на с.-з. 35°5' на точку, отстоящую на 370 метров от крайнего белого дома слободы Гончарки, считая...

Как гвардеец, как солдат России,
Я вернулся к мирному труду!

Это было до удивления похоже на старинные пиратские записи о кладах. Так меня и подмывало напечатать что-нибудь вроде: «Выйти в полночь в степь, и когда луч луны падет на белый дом и скользнет к развесистому дубу, отсчитать триста шагов на северо-запад...»

Что ж, Женя Иволгин со своими юными помощниками и будет вымерять клады — богатейшие сокровища земли. Он ведь топограф. А слово «топография» имеет общий корень со словом «утопия»: «у» — отрицание, «топос» — место, утопия — место, которого нет. Служба Жени Иволгина, как многих тысяч его со товарищей, и заключается в том, чтобы утопию, мечту сделать явью, будущее — настоящим...

(Окончание следует.)

ИЗ БУДУЩЕГО

РЕПОРТАЖ ТРЕТИЙ

ШТРИХИ НАШЕГО ЗАВТРА

*«В бою равнение только по
передним»*ЭТО БЫЛО
В 196... ГОДУ

Майским утром 196... года мы прибыли в Энск. Нам не удалось достать билеты на «ТУ-128», пришлось лететь на старом «ТУ», на «116-м», и путешествие заняло около двух часов. Впрочем, мы неплохо провели это время. Когда-то Маяковский шутивно мерил время верстами; он говорил: — Сегодня я брился сто верст!

Мы вполне могли бы сказать, что завтракали три тысячи километров. Это правда. Вылетели мы в полседьмого, никто из нас толком не поел, а в салоне было уютно, покойно, играла тихая музыка; шли мы все время на такой высоте, где ни болтанки, ни гроз; завтракали до самого Энска.

Кажется, с утра там было пасмурно, тучи ползли на город, и собирался дождь, но к нашему прилету «сделали» хорошую погоду. Нежданно раскрытое небо поражало ясностью своей голубиной, светило солнце, и над автострадой, как это бывает после доброго весеннего дождя, висела радуга.

— Нырнем-ка мы под эту «арку», — сказал старый мой знакомый Шестопал. — Говорят, счастье приносит.

Гордон не ответил: он как раз садился в машину. И Лавров молчал, жадно оглядываясь вокруг. Мне показалось, что они взволнованы.

Центролит открылся нам еще издали. Стоял он на ровном месте, ничто не застило высоких его корпусов. Только внизу зеленели деревья. Если бы я не следил издавна за этим заводом, если бы не присутствовал при его рождении, наверняка бы сейчас удивился: тут не было дыма. Стоял литейный гигант, а дыма не было. И копти, гари не было на стенах строений. Благородно-серые, они матово светились под солнцем, отбрасывая лучи его десятками стекол.

Теперь все в машине молчали. Я понимал своих друзей-проектировщиков. Завод вырос, живет, работает, они ему уже не нужны. Это и радостно им и грустно. Так мать смотрит на своего повзрослевшего сына.

Шофер тормозит; впереди широкая площадь, посреди площади газон, нестерпимо горят на нем маки. Мы огибаем это пунцовое озеро и останавливаемся. Перед нами массивные, чугунного литья ворота, над

Окончание. Начало см. №№ 10 и 11 за 1957 год.

ними золотыми буквами: «ЦЕНТРОЛИТ».

Попав за ворота, все мы на мгновение останавливаемся. Видел я все это на чертежах, бывал здесь, когда шло строительство, но даже представить себе не мог, что так все это будет красиво. Большая, широкая, прямая магистраль ведет в глубь завода. По обе стороны ее фруктовые деревья, за ними, вторым ярусом, березы, тополя, акации. В конце аллеи фонтан, удивительный фонтан... Видели вы когда-нибудь эти «брызгальные бассейны»? В них не один, а десятки, сотни фонтанов, веером разбрызгивающих воду, — она ведь задолго охлаждается здесь, чтобы снова вернуться в цехи. И мы еще издали видим в конце аллеи пышные султаны воды.

На пересечении главной магистрали с поперечной улицей — небольшой сквер, газон, клумбы. Здесь выставлена заводская Доска почета. Висят по красному полю фотографии лучших; мужчины строги, женщины улыбки. Рядом на щите аршинными буквами выведено:

МОЛНИЯ!

На третьем участке цеха спецспособов литья задерживается подача титановых створок для межпланетной ракеты «СССР-12». Выполнить этот спецзаказ в срок — дело чести коллектива. Комсомольский пост напоминает инженеру третьего участка, кандидату технических наук тов...

Однако я не успеваю записать фамилию отстающего кандидата наук: проектировщики тянут меня дальше, и перед нами вырастает гордость Центролита — главный чугунолитейный корпус. Высота его от земли до конька крыши около восемнадцати метров — высота пятиэтажного дома. Только этажей тут не

различишь: стена, обращенная к нам, вся сплошь сделана из стекла... Помню, в 1957 году много было вокруг этого споров, но проектировщики все же поставили на своем: заложили в проект новинку того времени — стеклянные блоки. И теперь, в готовом виде, стена эта похожа на искрящийся светом огромных размеров ледяной куб.

— А что, товарищи, — говорит Сахаров, — ей-богу, красиво! Не зря боролись.

Главный корпус имеет, если вы не забыли, П-образную форму. Мы входим внутрь этой гигантской «буквы» и останавливаемся у правой ее стены. Вдоль нее протянулся конвейер, по которому движутся

опоки. На последнем участке работает тяжелый кран; крановщик уже заметил нас из своей стеклянной кабины, с интересом поглядывает на свежих людей. Он молод еще, этот первый рабочий Центролита, которого мы видим за работой, у него приветливое лицо.

«Вот сейчас, — думает наивный журналист, — этот парень сбежит нам навстречу по трапу, а вслед за ним подойдут другие рабочие, мастера, инженеры; они торжественно встретят проектировщиков, которые сочинили для них всю эту машину, и от души поблагодарят их, и тот же молодой крановщик скажет какие-то добрые, от сердца идущие слова...»

✱

— Ну, знаете, заводы так не строят! — выпалил он весьма сердито. — Будь здесь этот самый Гордон, я бы ему и в лицо сказал: плохо!

Лавров кашлянул, Сахаров подмигнул Шестопалу, Шестопал глянул на меня. Один Гордон сохранял спокойствие.

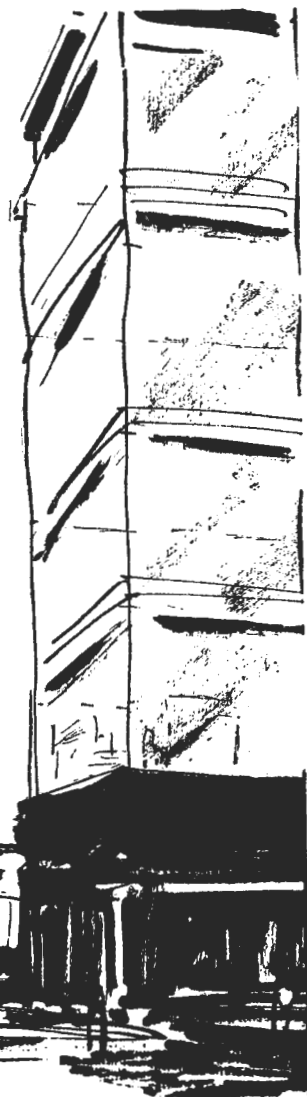
— Чем же провинился перед вами «этот самый» Гордон? — невозмутимо осведомился он.

— А вы поработайте на моем месте семь часов подряд, тогда поймете, — ответил крановщик.

Да, друзья мои, первый же разговор с первым же центролитчиком, встреченным нами, окончился спором. Вернее, даже начался со спора. Едва я неосторожно спросил, нет ли у него претензий к проекту, как крановщик принял за ругать «главного проектировщика» Гордона. Разумеется, он не дозревал, что Гордон собственной персоной стоит перед ним. А тот и бровью не повел, словно не о нем шла речь.

— А конкретно? — настаивал он. — «Плохо», «плохо» — это не разговор. Так критиковать умела еще моя прабабушка. Вы точно скажите, что вам не по вкусу.

— И скажу! — Крановщик продолжал: — Если бы все отливки были одинаковы, тогда, конечно, конвейер работал бы, как часы. Но отливки-то идут разные: одна тяжелей, другая полегче, у одной стенки тонкие, у другой потолще. Значит, не все отливки успевают охладиться к концу пути. Вот тут-то и начинается путаница.

— Плохо у вас труд организован, — хмурится Гордон, — отсюда и путаница. В проекте это предусмотрено.

Крановщик, однако, не сдается. Ну да, на бумаге это все красиво выходит, а как на деле? Была бы еще какая-то сигнализация, чтобы узнавать, какая отливка остыла, какая нет, — на них ведь не написано.

Вокруг собираются еще люди, подходит сменный инженер. Теперь проектировщики переходят в наступление, все четверо. Почему плохо организован труд на участке? Почему... Парень, который нападал на «главного проектировщика», отступил в сторонку, прислушивается.

Кажется, он уж сообразил, с кем имеет дело, и, должно быть, смущен, но виду не показывает.

— Все равно неправильно спроектировано, — говорит он. — Я бы сейчас перво-наперво поставил здесь тепловое реле.

Таково было первое столкновение, а сколько их было в тот день! Казалось, все на заводе специально придираются к проектировщикам. Я уж начал удивляться выдержке своих друзей. Они вели себя по-разному, но все очень спокойно. Сахаров, тот вообще был весел и с истинным удовольствием осматривал корпуса. Гордон довольно удачно отбивал атаки и был все время ровен, разве что щурился больше обычного и еще ленивее растягивал слова. Шестопал держался со всеми отменно вежливо и лишь в тех случаях, когда требования выставлялись уж явно нелепые, мог начальственно оборвать разговор. А Лавров саркастически улыбался, молчал и один только раз, когда кто-то заявил, что-де хорошо бы поменять местами главный корпус со сварочным, вспомнил из Диккенса:

— Дело сделано, и его не исправить, и это единственное утешение, как говорят в Турции, когда отрубят голову не тому, кому следует.

Да, меня удивляло хладнокровие этих людей, которых зря, во всяком случае, слишком придиристо, как мне казалось, критиковали. Потом я понял: они привыкли. Другого приема они и не ждали на новом заводе. Центролит лихорадило: шло освоение. Люди не привыкли еще к новой техни-

ке, не овладели ею, всюду возникали неполадки. И, как всегда это бывает, родилась легенда на заводе: «Неправильно спроектировано!» Будут теперь ругаться с авторами проекта до тех пор, пока дело не пойдет на лад. А потом? Потом забудут про них, словно стоял тут, в Энске, литейный гигант испокон века.

«Неправильно спроектировано»... Скажу вам откровенно, не нравилось мне это. И когда один из плавильщиков начал корить моих спутников за то, что шихту приходится подавать на расстоянии девяти метров, я не удержался, спросил:

— Скажите, неужели же ничего нет на заводе хорошего?

Мне этот пожилой уже рабочий казался в тот момент ограниченным человеком. Ну, в самом деле, выстроили для него великокопный завод, а он цепляется к мелочам!

— Неужели же ничего нет на заводе хорошего?

Плавильщик внимательно посмотрел на меня. Улыбнулся.

— Так хорошее, оно и есть хорошее. О хорошем что гово-

рить? Плохое надо сделать хорошим.

И этот простой ответ многое осветил для меня по-новому. Нет, дело тут не только в пусковой лихорадке. Жизнь завода не кончилась с концом его строительства — с этого момента она по-настоящему и началась. И теперь люди, которые хозяевами пришли в сочиненные для них цехи, уже прикидывали, каждый на своем участке, нельзя ли еще в чем-то улучшить Центролит.

...Мы в кабинете у директора. Когда-то он пришел сюда робким гостем: всюду главенствовали строители. У них были машины, квартиры, фонды — у них была сила. А он получил маленький кабинетик в их управлении. Но чем больше строили строители, тем меньше им оставалось. Он вступал в управление хозяйством. В прошлом, 196... году уже три цеха работали, давали продукцию. В этом году работают все цехи. И остались на заводе лишь мелкие доделки — там дорожку проложить, там очистить площадку... И ушли в сторонку строители, стали незаметны. Теперь уж они ютятся в небольшом кабинетике в заводоуправлении, ими же выстроенном. И уже забыл об их былых заслугах директор завода, кроет на всех планерках: «Когда сдадите мне 61-й дом на Гончарке?!»

Когда мы вошли к нему, он как раз проводил совещание. В просторном кабинете было человек двадцать, не больше, но слышен был здесь весь завод. Когда заходил разговор о неполадках в каком-либо цехе, директор включал селектор и, не повышая голоса, вел беседу

с далеким сменным инженером. Речь шла, как я понял, о выпуске сверхпрочных титановых створок: очевидно, это сейчас болело у завода более всего.

— А-а-а, проектировщики прибыли! — приветствовал директор гостей. — Очень кстати.

— Еще бы! — с ходу ответил Гордон. — Мы ведь все вам неправильно спроектировали. И это мы виноваты, что вы план не выполняете.

— В апреле сто двенадцать процентов, — улыбнулся директор.

— Тем более, — сказал Гордон. — Значит, мы виноваты в том, что не сто пятьдесят. Повашему, ведь так выходит?

Слез умиления, торжественных речей не было. И тут сразу завязался спор. А поскольку селектор выключен не был, в споре принимал участие, за ним следил весь завод. Особенно горячился, судя по его голосу, инженер третьего участка цеха спецспособов литья — тот самый кандидат наук, которого продернул комсомольский пост в «молнии». Инженер говорил, что корпус спецспособов безобразно мал, что 5 тысяч тонн точного литья в год — цифра, явно заниженная, что тут ошиблись проектировщики, струсили. Те возражали: когда в 1956 году они брали эту цифру, многие, напротив, обвиняли их в фантазерстве и пустых мечтаниях. «Кучая эта мечта!» — шумел инженер.

— Есть предложение, товарищи, — прервал дискуссию директор. — Пойдемте в цех и там во всем разберемся.

Большое, особняком стоящее Г-образное здание еще издали показалось мне странным. Оно вовсе не похоже было на заводской корпус. Снаружи видны были большие, чистые, хорошо протертые окна, за ними угадывались какие-то просторные, светлые помещения — лабораторные или конструкторские. Но я не успел задуматься над этим — инженеры уже входили в высокие двери. Я довольно бодро последовал за ними. Зная, что там идет сейчас отливка створок для двенадцатой межпланетной ракеты, я ждал чудес. Вошел внутрь цеха — и обомлел. Ничего я там не видел. Инженеры продолжали беседу, называли какие-то неведомые машины и даже как будто указывали на них друг другу, а я стоял и решительно ничего не мог разглядеть.

Вы поверите?

Огромная, гулкая коробка цеха была пуста. Даже стены ее были чисты, как белая бумага...

☆

Да, друзья мои, тут я вынужден прервать свое путешествие в будущее. Потому что фантазировать, скажу вам прямо, мне просто неинтересно. Да и уговор был у нас другой. Писать только то, что есть на самом деле. Писать без фантазий. Не роман сочинять, не сказку, а честный репортаж. И я, хоть забрался в 196... год, все же честно придерживался этого обязательства.

Скажите: разве не так?

Если хотите, мы проверим с вами все с самого начала. Каков, так сказать, «коэффициент вымысла» в нашем воображаемом путешествии в будущее?

Прежде всего самый полет из Москвы в Энск на сверхскоростном «ТУ-128» — такая ли уж это фантазия?.. Вы, конечно, помните, что в сентябре 1957 года самолет А. Н. Туполева «ТУ-104А» перелетел из Москвы в Нью-Йорк за 13 часов 29 минут; в пути он сделал три посадки. А самый последний из известных нам самолетов Туполева — межконтинентальный корабль «ТУ-114», рассчитанный на перевозку 220 пассажиров, — способен пройти это расстояние без единой посадки.

Таковы факты, а в этой главе, друзья мои, я ни на шаг не отступал от фактов. Хорошо, знаете, фантазировать лет этак на сто, на двести вперед: поди-ка проверь! А наш с вами загад можно будет сличить с действительностью не далее как через пять лет. Тут уж, как говорится, мечтать мечтай, да меру знай.

Разумеется, сверхскоростной «ТУ-128» я сочинил, выдумал. Может, вовсе не будет самолета с таким названием. Но мне пришлось летать на «ТУ-104», я беседовал с летчиками, инженерами, конструкторами. И я исходил, кроме того, из одного очень простого предположения: за пятилетие у нас наверняка появятся новые самолеты, и летать они будут еще выше, дальше, быстрее.

Пойдем дальше. В Энске к нашему прилету «сделали» хорошую погоду, разогнали все облака. Это уж вовсе никакая не фантазия. Вы, я надеюсь,

не забыли, что такие операции давно уже проводятся в крупных городах¹. Но у нас есть все основания считать, что к 196... году Энск выйдет в «крупные».

Рассказ о самом Центролите... Тут, как вы понимаете, воображение вовсе ни при чем. Когда я описывал прогулку по территории будущего завода, передо мною все время лежал проект Энского Центролита.

Правда, в проекте не предусмотрена доска почета, но я готов биться об заклад с любым из вас, что передовики на таком передовом заводе обязательно будут и что коллектив, как это принято в нашей стране, отметит своих лучших.

Вот только «спецзаказ», которому посвящена была комсомольская «молния», — спецзаказ на выплавку титановых створок для межпланетной ракеты «СССР-12» — это, каюсь, я от начала до конца выдумал. Впрочем, и тут, если правду говорить, меня беспокоит совсем другое: не отстанет ли моя мечта? Пожалуй, ракета будет к тому времени не двенадцатая, а какая-нибудь тридцатая. А то и первый межпланетный корабль с астронавтами будет запущен... Во всяком случае, точно я знаю две вещи. Первая: цех точного литья Энского Центролита способен выполнить заказ такого рода. Вторая: 4 октября 1957 года наша страна запустила первый в мире искусственный спутник Земли, а 3 ноября — второй спутник с собакой Лайкой. Таким образом, и здесь в особом пристрастии к фантазии вы никак не можете меня обвинить.

Но чем дальше, тем труднее. Я ведь описал встречи проектантов с центролитчиками и воображаемые споры между ними — тут-то уж наверняка все выдуманно, не так ли?.. Позвольте вам доложить, друзья, что не такие уж они «воображасмые», эти споры. Я и тут, в сущности, ничего не сочинял. Почти ничего. Просто поехал вместе с проектировщиками на один крупный станкозавод, недавно вступивший в строй, и там своими глазами видел, свои уши слышал, как они спорили — с рабочими, с инженерами, с директором, который действительно проводил в это время совещание по се-

¹ В журнале «Юность» (№ 11, 1956 год) я писал об этом в очерке «Охотники за облаками».

лектору. Между прочим, молодой рабочий (там это был токарь, а не крановщик) на самом деле клял «главного проектировщика», не подозревая, что тот стоит перед ним, а Гордон так примерно и отбивался от нападков.

Хорошо, скажете вы, возможно, так оно и было в 1957 году. Но зачем же тянуть все эти споры в будущее?

Тут мне, конечно, труднее всего будет доказать свою правоту: людские отношения не предугадаешь с такой же точностью, как соотношения металла, стекла, камня. И все же есть у меня уверенность, что споры в 196... году будут. Можно выстроить за пятилетку великолепный завод, можно выпустить за пятилетие сотни новых станков, — людей за пять лет не переделаешь. Людям суждено спорить и отстаивать свои мнения до тех пор, пока человечество будет двигаться вперед, — всегда.

Итак, «коэффициент вымысла» у нас с вами не так уж велик. Не было в нашем путешествии в 196... год безудержных фантазий. Не было до того самого момента, как мы попытались войти внутрь цеха. А дальше? Дальше возникла перед нами пустая гулкая коробка со стенами, белыми, как чистый лист бумаги...

Ну, скажите, что мы там могли увидеть? Даже о цвете стен мы можем лишь строить догадки. А о машинах, которые через пять лет будут установлены там, мы ничего еще толком не знаем.

Продолжим же наши поиски. Постараемся найти эти машины будущего. Разглядим их поближе, руками пощупаем, посмотрим, каковы они в действительности, в работе...

Но где?

ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ

Ему даже пальто не дали снять. Скинул только шляпу и прямо от двери начал рассказывать. Вокруг толпились проектировщики.

— Все просмотрел, Владимир Николаевич?

— Все невозможно, — отвечал он.

— Интересно?

— Ух, как!

Он был переполнен впечатлениями. Он выкладывал их

друзьям все разом, слова на-скакивали у него одно на другое.

— Это для нас целая революция! Я, когда вошел, глазам своим не поверил. Входишь в цех — прохладно. Литейщики все в белых халатах. Да что говорить, пол у них выложен метлахской плиткой. Погодите, сейчас я вам кое-что покажу...

Больше месяца этот человек пробыл в краю неведомого. Он видел своими глазами чудеса, каких никто еще из его друзей не видел. И, словно боясь, что они не поверят ему, привез в подтверждение легенды целую коллекцию. Так старинные мореплаватели в доказательство своих открытий привозили из дальних стран пряности, алмазы, чучела диких птиц... Путешественник наш выкладывал на стол фотоснимки, рисунки, схемы, описания диких машин.

Часа полтора его не выпускали из круга. Я только вечером смог познакомиться с ним. И был, надо вам сказать, весьма обрадован этим знакомством. Владимир Николаевич Волынский оказался как раз тем человеком, который нужен нам сейчас больше всего: он может повести наш репортаж дальше, вперед. В ленинградском отделении «Гипростанка» он руководит сектором механизации.

Человек он, как я убедился с первой же встречи, одержимый, влюбленный в свое дело. Его идеал — огромные, пустынные цехи, до краев насыщенные техникой. Делать все решительно должны умные машины.

В поисках этих машин Волынский и отправился в путь, и рядовая командировка инженера стала еще одним путешествием в будущее... Он приехал «туда» ранним утром. Для начала гостя повели в ремонтно-механический цех.

Работали токарные, револьверные, фрезерные станки. Горы стружки свивались с резцов, ложились на пол; стружка была чертовски красива — синяя, фиолетовая, вишнево-красная. Пронзительно жалуюсь на что-то, кричали сверла. Успокоительно журчали молочные ручейки эмульсии. В углу, заняв полпролета, работал «ленивец» — продольно-строгальный станок; резец у него стоял неподвижно, и огромной детали самой приходилось ездить взад-вперед, чтобы он соизволил об-

точить ее. Волынский плохо слушал объяснения хозяев: все это он видел не один раз.

Но вот наконец и завтрашний день — белые стены, солнечные квадраты на кафельном полу, воздух свежий, как на улице. Нет, лучше, чем на улице: в тот день было жарко, а в цехе все равно царил прохлад. Сопровождающий объяснил, что воздух здесь кондиционируется и потому в любое время года сохраняет заданную температуру и влажность.

— Таким образом, — сказал он, — в нашем цехе точного, или, как его еще называют, прецизионного, литья создан искусственный климат.

Это было интересно и поучительно, но Волынского ошеломило в первый момент совсем другое. Здесь ничего не оставалось от знакомой обстановки литейного цеха. Не только потолок, пол, стены, но и сами машины, выстроившиеся двумя стройными рядами, радовали чистотой. И люди здесь работали в белом, и лица их были чисты, и руки... А ведь участок был формовочный — обычно самый пыльный, самый что ни на есть грязный.

— Послушайте, — сказал Волынский. — Но у вас ведь автоматизация неполная.

— Да, — недовольно согласился технолог. — Восковые модели, например, мы снимаем вручную. Но нас это вполне устраивает. Я ведь уже говорил вам, что производительность труда...

«Прав, — думал Волынский. — Точное литье у них не требует дальнейшей обработки — ни фрезеровки, ни обточки. Значит, они полностью избавлены от стружки, экономят металл. Черт возьми, действительно выходит, что производительность труда подскочила в десятки раз!»

— А брак? — придиричиво спросил он.

— До пятнадцати процентов. Мы теряем их все на том же ручном съеме моделей. Но я уж говорил вам, что...

— Нет, — сказал Волынский. — На Центролите мы это автоматизируем.

Тут я вынужден прервать разговор конструктора с технологом. Хуже нет (так мне кажется), когда в угоду автору два высокообразованных специалиста начинают выкладывать друг другу азбучные истины, чтобы читатель понял, что

к чему. Но если записывать их разговоры в точности такими, какими они бывают в жизни, читатель ничего не поймет.

Как тут быть?

Я предпочитаю другой способ повествования. Оставляем Волинского и его спутника в покое. Пусть они идут дальше, мы останемся. Останемся и постараемся сами понять, что здесь происходит. И прежде всего ответим на самый первый вопрос: где разыскал Волинский эти чудо-машины?

«Дорогу осилит идущий», — так говорил, если верить молве, Ходжа Насреддин. Я люблю афоризм веселого мудреца и часто повторяю.

Вот вы поставили перед собой какую-то высокую цель. Путь к ней долг и труден. Что нужно для того, чтобы добиться успеха? Многое нужно: воля, упорство, настойчивость, знания, сила, выдержка, смелость... Но прежде всего нужна одна очень простая вещь — отправиться в путь.

Чтобы добиться, надо добиваться. Чтобы стать боксером, надо заняться боксом. Чтобы выучить китайский язык, надо китайский язык учить. Чтобы сочинить книгу, надо приняться за сочинение книги. Просто? Конечно, просто. Но если вы забудете об этом, если станете раздумывать, мечтать да откладывать все ваши благие намерения на завтра, — век просидите на одном месте, густым мохом обрастете.

Волинский не сидел сложа руки. Чтобы найти, надо искать. Он искал. Он искал машины будущего в разных местах. А поскольку залететь в 196... год он никак не мог, искал он их в нашем сегодня. В первый же день нашего знакомства я попросил Волинского продиктовать список учреждений, где и я смогу увидеть эти машины.

— Ну, что ж... — сказал он. — Литве в оболочку вам проще всего увидеть в Москве, на заводе «Фрезер». Записали? Дальше. Прецизионное литье поезжайте посмотреть в Подольск, на механический завод. Записали? Да-да, этот цех, о котором я говорил, мне там показывали. Дальше. Гидрокамеру в действии можете увидеть на Коломенском заводе тяжелого станкостроения. Записали? Дро-

беметный барабан — на тбилиском Центролите. Записали? Дальше...

Больше всего в его перечне оказалось заводов — это, сознаюсь, было для меня полной неожиданностью. Поминал он и институты с самыми мудреными названиями, были и конструкторские бюро, но больше всего оказалось заводов: в цехах нужно было искать машины будущего — в самых обыкновенных цехах самых обыкновенных советских заводов.

На одном вторую неделю работала какая-то чудодейственная вагранка с подачей кислорода и отбором газов. На другом, за тридевять земель от первого, в эти самые дни работу вагранки контролировали с помощью радиоактивных изотопов. В Харькове на станкозаводе работала крупнейшая в мире подсушивающая печь с инфракрасными лучами; в Москве на заводе «Борец» пневмотранспорт впервые применялся для переборски горелой земли; в Киеве испытывался гидрокислотный барабан; в Коломне работала гидрокамера последней модели... Если б можно было каким-то чудом собрать эти машины в одном месте и расставить так, как намечалось в нашем проекте, мы увидели бы живой, действующий Энский Центролит. Почти весь он «по кусочкам» работал в десятках городов.

Однако, обозрев мысленно эту панораму, я понял, что при всем желании не смогу, как надеялся, собрать из этих кусочков некую мозаичную картину будущего. Просто сил у меня не хватит! Волинский месяц путешествовал и за все это время так и не выбрался за пределы одной Московской области. И еще жаловался: «Мал срок командировки, ох, мал! Чтобы все там осмотреть, месяца три нужно просидеть, не меньше...» Даже если я отправлюсь «в будущее» на полгода — на год, даже если сумею объехать по списку все намеченные города и заводы, мне не выполнить задачи. Пока едешь в Киев, появится что-то новое в Минске, а вылетишь в Минск — за это время прогрессят на весь Союз какие-нибудь сыктывкарские рационализаторы, или ижевские, или таллинские, или новосибирские. В стране двести тысяч заводов, и на каждом из них вот в эту самую минуту, когда мы беседуем с вами, сидят люди и ду-

мают, изобретают, ищут, горятся вперед.

...В Коломне я смотрел гидрокамеру. Пусть не все, но многое мне удалось повидать — в Москве, в Ленинграде, в Харькове, в Челябинске. И с самого начала мне как-то особенно хотелось познакомиться с гидрокамерой. Может быть, потому, что я знал, от какого тяжелого труда освобождает она людей. Может, и потому, что помнил яростный спор, какой шел вокруг этой машины.

Итак, гидрокамера. Большое прямоугольное ограждение в углу цеха. Портальный кран вносит вовнутрь тяжелую отливку. Рабочий, пятясь перед нею, командует, куда ее ставить. Я вхожу следом. Кран ставит отливку «на попа» и, прогрев ее цепью, откатывает назад. Становится тихо. Теперь можно и осмотреться.

Нет, изнутри этот железобетонный сарай не производит особого впечатления. Пол под отливкой решетчатый, нечистый; снизу доносится плеск воды. Стены тоже не блещут чистотой. И до чего ж страшная сама отливка — черная, грязная, снаружи вся облепленная и изнутри сплошь забитая пригоревшей землей. Довольно робко глядят на эту немытую машину два круглых оконца. А под оконцами... Но неужели это и есть гидромонитор, тот самый грозный гидромонитор, о котором я столько слышал? Он оказался всего лишь железной кишкой — ну, ровно такой, какими оканчиваются шланги для поливки улиц.

Я вышел наружу. Ворота со скрежетом захлопнулись. Чувство, похожее на обиду, захлестнуло меня. По узкой металлической лесенке, по мокрому, скользким ступеням я поднялся в кабину. В ней было сумрачно и сыро. С потолка капало... Да, я был разочарован, огорчен, обижен. Слово меня обманули, посулили фантастику, а показали нечто самое обыденное.

У круглого оконца, из которого сочился свет в кабину, стоял механик гидрокамеры. Это был человек среднего возраста, среднего роста, с широким простоватым лицом. Он с готовностью принялся рассказывать, какая это замечательная штука — гидрокамера.

«Спору нет, — думал я, — полезная машина, но, черт возьми, не такой представлялась мне техника будущего!»

А через минуту произошло чудо. Гидрокамера ожила, и тотчас все мои недоумения потонули в потоках воды, в пенистых струях, водоворотах, смерчах, ниагарах воды. Пусть гидромонитор напоминал простой дворничий шланг — струя-то в нем билась под давлением в сто атмосфер! Вода была здесь и резцом, и отбойным молотком, и транспортером — всем. Землю она резала, размалывала, крошила, уносила прочь.

Через пять минут все было кончено. Подъемный кран уважительно взял под бока блестящую деталь и унес ее в цех. А еще через несколько минут место ее заняла новая грязная отливка, и опять бушующие водоподпады принялись за свое веселое дело. Я глянул на человека, командовавшего этой стихией, и не узнал. Может быть, потому, что впервые увидел его в профиль. У него было строгое лицо, высокий лоб, твердо сжатый рот, сильный подбородок. Кого-то этот человек напоминал мне...

— Хотите попробовать? — спросил он.

Я не понял.

— Держите. — Он передал мне в руку штангу, не выпускаемая, впрочем, штурвала. Я направил струю прямо на черный бок отливки. В то же мгновение целый каскад воды был отброшен на нас. Я невольно отшатнулся от окна: вода разбилась о толстое стекло, — механик рассмеялся.

— Ничего, — сказал он. — Я как раз собирался промыть ил-люминоатор.

И тут я сообразил, кого напоминает мне этот человек. Ну, конечно, самым натуральным иллюминоатором было это круглое окно, а металлическая лесенка, омываемая волнами, — настоящим корабельным трапом. Пенные валы обрушиваются на нас, свирепствует шторм, но рулевой спокоен. Он ведет корабль по заданному курсу — вперед, в неведомое.

✱

«В бою равнение только по передним» — не зря я взял эгиграфом эту заповедь из нашего воинского устава.

Успешное продвижение вперед хотя бы только одного бойца, гласит устав, должно быть немедленно поддержано другими бойцами и отделением в целом. Вы понимаете? Если

один смельчак вырвался вперед, один-единственный боец, и если он успешно ведет наступление, никто не может ему командовать: «Стой! Ни с места. Возвращайся назад!» Командир отделения обязан подыять за ним всех своих бойцов. А успех отделения, как учит устав, должен быть немедленно поддержан взводом — взводными пулеметами, гранатами, а затем и штыковой атакой всего взвода. Победу взводу будет развивать батальон, полк, дивизия... В бою равнение только по передним.

В труде тоже.

На каком-то заводе передовой рабочий делает свое дело

лучше других. Его соседи по цеху живут еще в 1957 году, — он выполняет нормы в счет 196... года. Так вот, никто не вправе сказать ему: «Стой! Ни с места. Возвращайся назад!» Законы нашей жизни таковы, что вся бригада должна тянуться за передовиком, весь цех, весь завод. А если завод вырвется вперед, его успех будут развивать и закреплять десятки и сотни заводов.

Я думаю сейчас об этой гидрокамере. Когда-то она была всего лишь мечтой, идеей, замыслом. Потом стала расчетом, первым мятым чертежиком, моделью, машиной, сотни людей узнали ее, поверили в нее, признали своей. И теперь уж никакими силами вам не обойтись без гидрокамеры. Лучше сможете сделать — милости просим, хуже — не позволим. Раз

уж сделана, раз существует такая машина, вы не имеете права проектировать без нее новый завод. Назад пути нет!

Наступление началось во вчера — сорок лет вел борьбу наш народ, накапливал силы. Двигались вперед, завоевывали позиции отдельные смельчаки: ученые, конструкторы, изобретатели. Вели разведку боем передовые рабочие, передовые бригады. Закреплялись на завоеванных плацдармах целые заводы. Они строили у себя, пусть на небольших участках, будущее всей индустрии социализма. И сегодня, когда весь наш народ развивает наступление, эти плацдармы стали базой для всеобщего решительного броска вперед...

ЧТО ТАКОЕ РЕВОЛЮЦИЯ В ТЕХНИКЕ

Вернемся теперь на Энский Центролит. Вы находитесь там в главном корпусе чугуна литья. Не в гостях, не на экскурсии — вы там работаете. И вам дано задание: отлить из чугуна какую-то деталь цилиндрической формы. Ну, к примеру, трубу. Задание срочное, только что звонил по селектору директор завода, просил ежечасно докладывать о ходе работ. Какую вы выберете технологию?

Собственно, выбирать пока не из чего. Более или менее знаком вам один только способ — литье в земляную форму. Так, видимо, и придется делать эту самую трубу. Для начала вы закажете модель. Затем сделаете из земли форму, точнее — две полуформы, верхнюю и нижнюю. Собрав их, поместите внутри стержень, сделанный все из той же черной земли. Зальете расплавленный чугун. Когда он охладится, вы выбьете отливку из земляной «шубы», освободите ее от стержня, обрубите литейные швы, очистите трубу от нагара и окалины. И доложите директору, что задание выполнено.

Можно так делать? Можно. Тут все грамотно. Так отливались трубы (или, скажем, пушечные стволы) еще сто лет тому назад. И посейчас литье в земляную форму — самый распространенный способ литейного производства.

Правда, на Центролите мы применяем этот старинный метод литья далеко не так, как применяли его наши предки. Шаг за шагом в течение десятилетий усовершенствовали люди литейное производство, и все лучшее, что было создано ими, мы взяли на свой Центролит. Но корень технологии остался прежний — все та же черная земля.

Я видел формовочную машину последнего выпуска. Отличную машину, такую, какая будет установлена в главном корпусе Энского Центролита. Механические толкатели сбрасывали на нее с конвейера опоки. Машина сама устанавливала их на модельную плиту. Затем рабочий поворачивал рычаг, одно движение — и над опокой становился бункер. Еще одно движение — из бункера сыпалась земля. Машина сама, встряхивая, уплотняла ее. Затем металлическими руками — захватами — ловко переворачивала опоку, чтобы извлечь из полуформы модель... Я долго следил за этой машиной: до чего жумна! Обычно ведь именно такие механизмы, имитирующие движение человеческого рук, поражают нас более всего¹.

Теперь представьте себе совсем другую машину. Она не старается подражать человеку. Она как бы «забыла» все, что делалось до ее появления на свет. Цилиндрическая изложница (форма из металла) вращается с огромной скоростью. Внутри заливают расплавленный чугун. Центробежная сила прижимает его к стенкам. Чугун равномерно растекается по ним и так охлаждается. И все — труба готова... Вы понимаете? Взят совершенно новый принцип, технология изменена в корне. И потому тут уж не нужна земля. Совсем не нужна. Не требуется выбивать отливку, обручать, очищать.

Это не фантастика. Такой способ литья существует, он довольно широко применяется в нашей стране, он будет использован и на Энском Центролите. Это — центробежное литье.

Поняли разницу? В первом случае люди сохранили старую, «земляную» технологию, но все время совершенствовали

ее. Это путь эволюции в технике. Во втором случае старая технология была взорвана самым решительным образом. Произошел переворот в технике. Этот путь хочется назвать путем революционным.

Теперь вы понимаете, что, когда Волынский восклицал: «Настоящая революция в литейном деле!» — это не было просто образное выражение. Нет, он давал инженерное определение тому, что происходило на наших заводах.

Уделим еще две — три странички продолжению нашего «литейного образования». Есть еще один спецспособ литья — о нем уже говорил нам Владимир Николаевич Волынский. Теперь мы можем изучить этот спецспособ подробнее. Именуется он по-разному: точное литье, прецизионное литье. Я предпочитаю самое выразительное из названий: литье по выплавляемым моделям.

Автомат штампует эти модели из воска. Затем в специальной камере их обсыпают песчаной смесью, подсушивают в печи и получают форму. Сама по себе она никому не нужна, главное в ней — пустота. Помните, есть такая детская присказка: «Как делают бублик? Берут дырку от бублика и обмазывают ее тестом». Так вот в форме, этом перевернутом, негативном отпечатке детали, нужна нам именно «дырка» — полость, которая будет занята расплавленным металлом. Прямо из сушильной печи форму посылают на заливку... Как, скажете вы, там же воск! В том-то и фокус, что никакого воска давно уж нет: он сыграл свою роль «дырки от бублика» и вытек, пока сушилась форма.

Между прочим, остроумная эта технология известна давно. С помощью восковой модели отливался еще знаменитый «Медный всадник». Скажу вам больше: способ литья по выплавляемым моделям известен был еще в Египте во времена фараонов.

История техники знает немало таких случаев. Вертолет, как известно, был придуман еще Ломоносовым, а принцип реактивного движения знали еще в древнем Китае. Бывает так, что человечество возвращается к некогда выдвинутым

идеям. Но возвращается всегда с новых позиций, во всеоружии новейших завоеваний науки. И тогда рисунок гения, опередившего свой век, превращается в мощный «летающий вагон», праздничная ракета затейливо го фейерверка становится искусственным спутником Земли, а кустарнейший способ выделки украшений дает основу автоматической линии современного завода.

Литье в оболочковые формы — так именуется еще один спецспособ литья, о котором я хочу вам рассказать. Только что мы заметили, что земляная форма сама по себе никому не нужна. Получив отливку, ее тотчас ломают. Собственно говоря, во всей этой громоздкой, многотонной глыбине черной земли «работает» только внутренняя ее поверхность — оболочка, которая окружает расплавленный металл. Вот технологи и додумались оставить только эту оболочку, корку, а все остальное, «лишнее» убрать. Такова была идея.

Я видел эту идею воплощенной в металл. На одном из московских заводов мне показали машину, производящую оболочковые формы. Модель в ней опрыскивалась специальным смоляным составом с пульверизатором. Затем обсыпалась керамической крошкой. Подсушивалась. После этого автоматические захваты «на глазах у изумленной публики» снимали с формы готовую оболочку.

Да-да, она не была эффективна, эта машина. Занимала очень мало места. Не требовала к себе особого внимания. Единственный рабочий, обслуживающий ее, не суетился, не бегал, а стоял на месте; впечатление было такое, что он наблюдает — и только. Иногда машина молчаливо содрогалась от внутреннего напряжения. Но не гремела, не скрипела, не рычала — словом, не «старалась» показать, что ей ужасно как трудно.

Между тем эта скромняга заменяла целую бригаду литейщиков и выдавала за смену больше семисот форм — производительность неслыханная!

Вот, собственно, и все. Теперь, друзья мои, вы знаете о переднем крае наступления — о цехах, которые дальше всех продвинулись в будущее на нашем будущем заводе.

¹ Вам приходилось, верно, по долгу простанавать у снегоуборочных комбайнов, которые «руками» подгребают с улиц снег, делая это «ну, совсем как человек»

Теперь слушайте рассказ о пустом квадрате. Это грустный рассказ, но я не давал вам обещания, что будут одни несладкие.

— Не так-то все просто, как вы думаете, — сказал мне Сергей Ильич Четверухин. — У вас что выходит? Собери, мол, все, что есть хорошего, — вот и готов проект. Так сказать, с миру по нитке — голому рубашка. А у меня, между прочим, по многим позициям нет еще запроектированной техники. Понимаете? Вот, скажем, обрубная машина: квадрат на проекте мы нарисовали, а машины-то нет. На заводах нет, и в КБ нет, и в Академии наук. Нет ее вовсе.

— Почему? — спросил я.

— Не изобрели еще такую машину.

— Почему не изобрели?

Вопрос мой не показался ему детским.

— Почему? — повторил он. — Что ж, можно, пожалуй, и на это дать ответ. Как бы вам лучше объяснить...

Оказалось, что обрубку никогда не считали узким местом. Если бы лет пятьдесят назад кто-нибудь сказал литейщику, что это самый тяжелый труд, он бы только рассмеялся: «Обрубка? Да это и не работа вовсе!» В самом деле, подойди с зубилом к готовой, остывшей отливке и обруби с нее литейные швы — пустяк. Но когда механизированы были все тяжелые процессы труда, «пустяк» неожиданно оказался самым трудным участком.

— Сергей Ильич, — взмолился я, — но почему же все-таки до сих пор не сочинили эту чертову машину?

— Не так-то все просто, как вы думаете, — сказал Четверухин. — Мысль приходит — нужно время. Обдумывается машина — тоже время. Конструируется — время, делается — время. А там еще отладка да неполадки: новую технику перепарить надо. Всякий процесс происходит во времени. А вы думаете, дело только в людях? Дескать, если бы людей перепарить всех, завтрашний день пришел бы... сегодня вечером.

— Но разве...

— Погодите, погодите. Дайте закончить мысль, Конечно, доля справедливости в этом суждении есть. В конечном итоге все зависит от людей. Но,

как говорится, не сразу Рим строился. Понятно?

Сознаюсь, рассказ Сергея Ильича сильно меня огорчил. Так все складывалось ладно да стройно, я уж думал, что весь Центролит разыскал — вот он, лежит, как на ладошке, — и вдруг такое разочарование. Нет, я никак не мог согласиться с доводами моего собеседника. Сотни, тысячи литейщиков каждый день сталкивались с обрубкой, да разве они...

— Знаете что? — сказал Четверухин. — Не люблю пустых споров. Найдите обрубочную машину. Найдете — ваша правда. Тогда и мы вам спасибо скажем. Договорились?

Следы ее я нашел в тот же день. Обманывать не стану: это удалось мне очень легко. Не было тайственных чертежей, не было случайно подслушанных разговоров, не было подозрительных незнакомцев и всего такого прочего. Просто я отправился в министерство и через полчаса не только знал, где искать эту машину, но даже читал приказ министра по этому поводу — приказ номер 700.

Обрубная машина (модель «ОМ-66») проектировалась в Ленинграде, делать ее должен был «Ленстанколит». Согласитесь, что такое начало поисков могло придать мне бодрости. Дня еще не прошло, а в моих руках была уже нить. Я ухватился за нее покрепче, и она благополучно привела меня в Ленинград.

Начальник СКБ-2 принял автора этой правдивой хроники в кабинете, стены которого были увешаны фотографиями. На них красовались станки-красавцы, станки-гиганты высотой в несколько метров и длиной в десятки метров — гордость СКБ. Увидав эти совершенные творения конструкторской мысли, я успокоился: конечно же, им по силам было сочинить обрубную машину.

— Да, мы сделали этот проект, — сказал начальник бюро. — Должен отметить, задача была новая и чрезвычайно сложная.

Принесли чертежи, и я увидел «ОМ-66». Нарисована была огромная станина, на ней подвижной стол, на столе отливка. Металлическими «руками» машина держит зубило, фрезу и шлифовальный круг. Когда стол начнет кататься взад-вперед, машина обрубит литейные швы,

выровняет это место и даже зашлифует. Конструкция выглядит внушительно.

— Где ее можно увидеть в натуре? — спросил я.

Начальник СКБ-2 помрачнел. — Согласно приказу номер 700, мы передали всю документацию «Ленстанкоlitу». Но, должен отметить, они не желают ее делать. Завод срывает задание.

— Почему?

— Видите ли, есть у них план выпуска, есть ежедневная программа, для них это обуза. И потом, не все любят новую технику.

Оставался последний адрес: «Ленстанколит».

— «ОМ-66!» — сказали заводчане. — Нет, эта машина не пойдет. Причины? Очень дорога — раз. Малопроизводительна — два. Громоздка — три. Вы смотрите: заменяет всегонавсего двух обрубщиков, да еще один из них все равно ее обслуживает. А места ей надо двадцать метров. Вы видели, какая у нас теснота в цехе? Ну, и весь разговор.

Ниточка, которую я судорожно сжимал в руке, напряглась и лопнула. Кто виноват: завод или СКБ? Трудно быть арбитром в таком споре.

Я продолжал поиски. Мне рассказали, что есть у нас в стране большой завод, на котором обрубка литья механизирована полностью. Это Горьковский автозавод. Я было обрадовался, но потом узнал, что автомобилистам легче: у них-то все время сходят с конвейера одинаковые отливки — тут любая механизация возможна... Я побывал вслед за тем в институте, где велась работа с ультразвуком, но и там постигло меня разочарование: оказалось, с помощью ультразвука можно шлифовать отливки, но не обрубать... Нити обрывались, едва я успевал взяться за них, одно разочарование сменялось другим, и наконец я убедился: Четверухин прав — обрубной машины в нашей стране действительно нет.

Поднимаясь на сцену, Шестопал еще не знал, как он обратится к залу. Никак не мог решить. Может быть, начать, как большинство докладчиков: «Damen und Herren!» Тут Шестопал поймал ободряющую улыбку

Фрица Наумана, директора Центрального литейного института ГДР, и отказалась от этой мысли. Нет, Наумана, замечательного товарища, коммуниста, он не хочет называть «господином». Может быть, начать привычным «Genossen!»? Нет, тоже нельзя. Могут демонстративно покинуть зал господ из Западной Германии, могут обидеться гости конференции из Англии, Швеции, Франции, их «товарищами» не назовешь.

— Werte Kollegen! — сказал Шестопап.

Уважаемые коллеги слушали доклад. Речь в нем шла о нашем Центролите — обо всем том, что мы с вами пытались узнать и понять. О революции в технике, о специализации, о потоке, об оздоровлении цехов. Это докладывалось виднейшим представителям литейной науки европейских стран.

Шестопап волновался. С высокой трибуны он видел большую зал, в глубь его уходили длинные столы, на столах стояли флажки делегаций. Бесшумно двигались меж столами белые фигуры кельнеров — разносили сельтерскую воду. Это было непривычно и мешало.

Трудно было и говорить по-немецки: Шестопап давно уже не практиковался в разговорной речи. Но дело даже не в этом. Постепенно он втянулся, память услужливо подбрасывала нужные слова, он мог уже не заглядывать в конспект. Беспокоило докладчика другое: вся «литейная Европа» слушала сейчас его цифры, выкладки, доказательства. Это был серьезнейший экзамен: как оценят они Центролит?.. Шестопап привык к нашим шумным собраниям с одобрительным или негодующим гулом, репликами с мест, звонками председателя, молящими о тишине. Здесь слушали молча, в молчании слышалось напряженное, холодноватое внимание. Связи с аудиторией не было. Словно он оторвался от этого зала и лез на какую-то гору, взбирался все выше, и никто не хотел подсказать ему, верен ли избранный путь.

Почему так получилось, Шестопап до сих пор не может понять, но в тот момент зал вдруг разморозило, и делегаты шумно захолопали, одобряя рабству советских литейщиков.

Во время перерыва Шестопапа окружили со всех сторон. Тут он окончательно убедился, что Центролит конференцией принят и оценен высоко. Эта

оценка была в одобрительных возгласах польских и венгерских литейщиков, и в крепком рукопожатии Наумана, и в многочисленных просьбах прислать чертежи новых советских машин, и, может быть, более всего — в осторожных, полных скрытой тревоги вопросах представительниц западных фирм.

— Виктор Михайлович, — спросил я, — а вы не забыли моей просьбы?

Он улыбнулся:

— Насчет обрубной машины? Я бы сделал это и без вашей просьбы. Но такой машины у них нет.

— Ни в одной стране?

— Во всяком случае, в Европе нет. И в Америке нет.

☆

В старинном особнячке на 3-й Мещанской помещалось это китайское общежитие. Был воскресный день. Четверо парней в маленькой комнатке у входа резались в домино. Когда я вошел, они вежливо поднялись. Один скрылся в коридоре.

— Го Чен! Го Чен!

Вошел улыбающийся белокубый человек, очень молодожавый, в синем кителе, в очках.

— Здравствуйте, — сказал он и представился: — Го Чен, литейщик.

Этим, по-видимому, исчерпывался его запас русских слов. Мои лингвистические познания были и того бедней, и потому мы с ним минут пять только улыбались. Наконец пришел переводчик и беседа началась.

— Да, Центролит! О, Центролит! — сказал Го Чен, поймав в моем вопросе еще одно знакомое ему русское слово. — Есть Центролит!

Он долго говорил. Переводчик слушал, опустив глаза. Потом говорил переводчик, а Го Чен принес тем временем на фарфоровом подносе три чашечки и разлил чай.

— Го Чен сказал, — слушал я перевод, — сейчас в Пекине VIII съезд Коммунистической партии Китая решает нашу вторую пятилетку. Намечено строить Центролиты. Один из них будет на юге, в Фуси. Го Чен говорит: Фуси — родина литейщиков...

Переводчик говорит, Го Чен пьет чай. Го Чен говорит, переводчик пьет чай. Я веду записи в блокноте, но тоже пью чай. Чай ароматный, пахнущий цветами. Я очень доволен этой встречей. Го Чен — про-

ектировщик, главный металлург китайского «Гипростанка».

Узнаю, что Первый мукденский станкозавод, который проектировался в Ленинграде, уже выстроен и дает продукцию. Го Чен на этом заводе обучал рабочих литейного цеха. Он не нахвалится советским оборудованием. Формовка машинная, земледельца автоматизированная, транспортировка земли управляется с центрального пульты...

Задаю главный свой вопрос:

— Все ли понравилось Го Чену в проекте Центролита? Что вызывает возражения Го Чена?

Снова взрыв гортанной китайской речи. Интересно, что слово «Центролит» они произносят по-русски. Видимо, есть у них и свое обозначение, но они привыкли к нашему, и оно вошло в их язык.

— Го Чен хотел бы отметить, что ему очень понравилась новая заправка, которую он видел в Харькове. Хорошо продуманы вопросы оздоровления цехов. В частности...

Вежливый гость явно не хочет критиковать хозяев.

— Ну, хорошо, — говорю я. — Все это понятно. Го Чену нравится Центролит. За чем же тогда дело стало? Берите проект и стройте у себя точно такой завод — в Фуси, как в Энске. Будут ли вноситься изменения в проект? Что, в частности, думает Го Чен относительно обрубной машины?

Долго жду ответа. Наконец Го Чен говорит, что он видел в Ленинграде чертежи опытной машины. Конструкция ее пока неудачна. Видимо, надо идти другим путем. Китайские ученые тоже ведут поиски.

— Сегодня нет в Китае такой машины?

— К сожалению, нет.

— Какой путь представляет вам наиболее верным?

— Го Чен считает, что очень интересно подошли к решению проблемы литейщики Чехословакии. Он слушал на днях доклад по этому поводу. Доклад инженера Четверухина.

☆

Итак, круг замкнулся. Вновь приходилось идти к Четверухину, который заставил меня предпринять эти поиски.

— Сергей Ильич, говорят, вы сами видели в Чехословакии обрубную машину.

— Неправильно говорят, — сказал он. — Не видел.

— А ваш доклад?

— Вот вы о чем... Да, я от- мечал, что чехи остроумно спра- вились с обрубкой.

— Как?

— Отменили ее.

Не стану подробно переда- вать лекцию Четверухина, ко- торую я услышал в тот же час. Вот вам, совсем коротко, суть дела. Можно механизировать обрубку. Можно, оказывается, и вовсе ее отменить. Ну, к при- меру, литье по выплавляемым моделям и оболочковое литье в обрубке не нуждаются. Нег на этих отливках приливов, зали- вов и прочих огрехов, а значит, и обрубать нечего. Все дело в качестве литья. Так вот, чехо- словацкие мастера ухитряются и в обычных земляных формах получать такое литье, которое почти не требует обрубки. У нас шов между опоками вы- ходит толстый — его иначе, как пневматическим зубилом, не возьмешь. А у них это «шви- к» — его удаётся отбить про- стым молотком.

— Таких литейных гиган- тов, как наш Центролит, — го- ворил Сергей Ильич, — у них нет пока ни одного. И произво- дительность труда меньше, чем у нас. Формовку они чаще всего ведут вручную. Но какова ж у них культура производства! Ме- ханизируют они не те участки, от которых зависит количе- ство, а те, которые влияют на качество. Формуют вручно- ну, но уж землю готовят — по- завидуешь.

Знаете, — продолжал он, — когда я попал в их земледелку, мне стыдно стало за ту, что мы заложили в наш проект. Ей-бо- гу, стыдно. Повсюду видишь у них циферблаты весов. Я гла- за не поверил. Песок, горелую землю, глину — все взвешива- ют точно по рецептуре. Мы воду добавляем на глазок — у них водомер со стрелкой, как на бензоколонке... Вы знаете, я за- болел этим. Точно вам говорю. Написал уже докладную мини- стру, выступил на техсовете. Обязательно добьюсь, чтоб на Центролите все это было!

Обычно немногословный, сдержанный, Четверухин преоб- ражался, вороша эти свои впечат- ления. Он словно помолодел после поездки. Нет, он вовсе не собирался все, что видел в Че- хословакии, тянуть на наши заводы. Многое ему там не по- нравилось, были и у него спо- ры, да и ездил он не только «людей посмотреть», но и «себя

показать». Но виденное дало толчок его воображению, воз- никли новые замыслы.

— Сергей Ильич, — сказал я. — Все мне теперь ясно, одно- го не понимаю: зачем вы заста- вили меня искать эту машину?

Кажется, Четверухин улыб- нулся.

— Вы для кого пишете свой репортаж? — спросил он и тут же сам ответил: — Для молоде- жи. Молодежь наша смена? Сме- на. Нужны ей розовые очки? Нет. Полезно рассказать моло- дым о трудностях? Безусловно! Вот вы и пишете, чтобы они знали, что и на их долю хватит нерешенных проблем.

— Но проблема-то решена. Не нужна ведь обрубная маши- на.

— Очень даже нужна, — сказал Четверухин.

Тут я даже обиделся.

— Простите меня, Сергей Ильич, но теперь уж я вовсе ничего не понимаю.

А объяснение оказалось про- стое. На Центролите мы не мо- жем отказаться от потока, от формовочных машин, от высо- кой производительности тру- да — короче, от количества. Это значит, что мы не добьемся еще такого качества, какого добились, работая вручную, ма- стера Чехословакии. Обычно эти два понятия между собой не спорят, вспомните хотя бы автомобильный конвейер. Но снова и снова приходится гово- рить об особенностях станно- строения: детали здесь идут не стандартные, а разные. Опыт чехословацких друзей чрезвы- чайно облегчит нам решение проблемы, но не снимет ее во-

все. Обрубная машина нам не- обходима.

Так закончились мои поиски.

Я не жалел о потерянных днях. Границы мира раздвину- лись. Плечом к плечу с совет- скими инженерами и рабочими встали литейщики дружествен- ных стран. Вслед за Эн- ским Центролитом поднимали- сь, росли на землях наших соседей его меньшие братья.

Я многое узнал за эти дни, но пустой квадрат так и остал- ся пустым. Выстроят по проек- ту завод, и пустой квадрат чер- тежа станет пустым участком цеха — бетонным полом, на ко- тором ничего нет. А это плохо,

очень плохо. Раз уж завод строится в расчете на какую-то машину, без нее он обойтись не может. Для ручной обрубки нужно было бы больше места, чем оставлено, обрубщикам не угнаться за ритмом потока, от- ливки начинают скапливаться в «пустом квадрате», заполняют проход — и захлебнулся весь конвейер...

☆

Тут возникает самый слож- ный вопрос проектирования: какую технику брать в проект? Только те машины, которые уже освоены и выпускаются на наших заводах, или те, кото- рые существуют еще лишь в виде идей, замыслов, предполо- жений? Действительность за- кладывать в проект или мечту?

Сахаров сказал мне:

— Проектировщика всегда ругают. Когда сдает проект — за робость, за то, что мало дал нового. А когда выстроен за- вод — за смелость, за то, что

слишком уж размечтался и насовал в проект такого, чего днем с огнем не сыщешь.

— Что же, Григорий Михайлович, делать?

— Что делать? — Он улыбнулся. — Работать.

Был недавно такой случай. В одном проектно-институте делался новый комбайновый завод. Авторы его взяли не какое-нибудь, а самое передовое оборудование — наинovelшее из того, что выпускалось промышленностью. А потом проект был изучен Советом Министров СССР и забракован по причине «технической отсталости». Это может показаться странным. Как же так? Машины и станки были взяты передовые, а техника признана отсталой...

Все дело в точке зрения. Проектировщики стояли на позициях сегодняшнего дня: да, для 1956 года, когда выпускался проект, оборудование было передовое.

Правительство судило о том же с позиций завтрашнего дня: для 1960 года, когда должен был вступить в строй завод, оборудование было устаревшим.

Теперь вы понимаете, друзья, что «пустой квадрат» на проекте Центролита вполне закономерен. Даже пожалуй, необходимо. Что и говорить, страшно вато это — строить завод, не зная всего оборудования, не покрыв, как говорят проектировщики, «каждое свое решение чертежами». Тут ожидают вас тревоги, волнения, разочарования, бои. И, между прочим, суровая критика в случае действительных ошибок, если вы, ударившись в другую крайность, займетесь вместо проектирования проектированием. Спокойной жизни не будет. Впрочем, любителям спокойствия в проектных бюро и делать нечего.

«Пустой квадрат» говорит нам о большом риске. Но говорит он и о другом — о дерзости, смелости, уверенности. Да, да, в нем, этом маленьком белом квадратике, очень четко, графически запечатлена вера проектировщиков в творческие силы народа...

В технике трудно загадывать даже на пятилетие вперед. Иногда мне кажется, что на нашем Центролите обрубка все-таки будет ликвидирована. Я ведь не случайно описал в начале этого репортажа воображаемый спор заводчан с проектировщиками по поводу Г-об-

разного корпуса. Помните? Инженер, который занимался отливкой титановых створок для двенадцатой межпланетной ракеты, шумел тогда, что корпус спецспособов литья безбожно мал, что проектировщики ошибались, трусили, что мечта их «куцая»...

В самом деле, почему так поскупились проектировщики: всего 5 тысяч тонн точного литья в год. А литью в земляную форму не пожалели отдать 35 тысяч тонн. В чем дело? Нет ведь никакого сомнения, что новые методы более производительны, более качественны, более прогрессивны. Это же замечательная штука — спецспособы литья!

— Люблю тебя, моя комета, но не люблю твой пышный хвост, — улыбается Четверухин. — Спецспособы литья — вещь заманчивая, но «хвост» у них пренеприятнейший. Пульвербакелита мало, он очень дорог, тонна оболочкового литья стоит сейчас бешеных денег... Нет, мечта, знаете, мечтой, но есть еще и суровая действительность.

Слушаю неторопливые, как всегда, веские доводы Сергея Ильича и соглашаюсь: он прав. Ну, совершенно прав! Нельзя сегодня, в 1957 году, перевести весь завод на рельсы, которые хоть и ведут в будущее, да не на всех перегонах проложены и проверены не везде: с такой дороги можно слететь под откос. И все-таки, и все же... Я вспоминаю того, будущего инженера-центролитчика, и думаю о том, что и он может оказаться правым. Он будет прав со своих позиций — с позиций 196... года. Техника-то идет вперед, ученые всего мира ищут дешевый заменитель пульвербакелита, за пять лет могут и найти. И тогда выйдет, что Центролит наш устарел еще в проекте: прочны были рельсы, проверены, да вели не по главной магистрали. Как тогда быть?

— Мы этот вариант предусмотрели, — спокойно говорит Четверухин. — Главный корпус рассчитан у нас таким образом, что его можно перевести на спецспособы литья. Вначале одну поточную линию, а понадобится — так все три.

— Значит, мечту вы все-таки заложили в проект?

— Если хотите, да.

Просто, не правда ли?

Теперь вы все знаете об Энном Центролите. И я мог бы здесь поставить точку, если бы... Ну, скажите, как выглядят его цехи? Вы ответите: они просторные, чистые, светлые — в общем, хорошие цехи. Но ведь этого мало. Стены-то остались для нас великими, машины — серыми, и вся эта воображаемая картина напоминает кадр из какого-то черно-белого фильма.

По-моему, сейчас самое время выкрасить Центролит.

Ощущаете ли вы прилив вдохновения? В таком случае примемся за дело. Какой цвет вы предпочитаете? Светло-оранжевый, вишневый, голубой, салатный или, может быть, сиреневый, я лично очень люблю сиреневый... Есть и тут, друзья мои, своя наука. Ставятся опыты, пишутся учебники, ведутся дискуссии. Наука эта называется «цветоведением».

Давно уж было замечено врачами, что серые, закопченные, темные стены понижают жизненный тонус человека. Работая в такой обстановке, он быстрее утомляется. А когда вокруг светлые, приятные тона, человек чувствует себя лучше и работает лучше.

Настолько это просто и ясно, что даже на науку мало похоже. Но это ведь только начало. Ученые с помощью целой серии остроумных опытов сумели «прозакановывать» все цвета спектра: как влияет на самочувствие каждый из них? Выяснилось, что, скажем, красный цвет будоражит людей, волнует, тревожит, повышает возбужденность. А фиолетовый, напротив, чересчур уж успокаивает, делает человека вялым, флегматичным. (Вы понимаете, конечно, что речь идет не о минутном воздействии, а об окраске помещений, в которых придется проводить долгие часы.) Отобраны были «радостные» цвета, улучшающие настроение. Лучшим из них был признан в конце концов палевый цвет, теплый, наиболее близкий к солнечному свету.

Все эти изыскания ученых-цветоведов до поры не касались литейщиков. Их цехи, запыленные и грязные, никак не поддавались «солнечной» окраске. Вот и подбирали тона потемней да помрачней — на них хоть копыть не так будет заметна. И только теперь, работая над

проектом нашего Центролита, архитекторы дали волю своему воображению.

Итак, литейный цех... Возобновите в памяти огромный зал высотой в пятиэтажный дом. Потолок его весь нежно-голубого цвета. Словно весеннее небо повисло над цехом. Из конца в конец прорезает крышу остекленный фонарь, льются сверху потоки дневного света. Солнце играет на стенах. Стены палевые, цвета топленого молока. Оборудование — машины, станки, конвейеры, подъемные краны — тоже лишено здесь привычной серо-стальной окраски. Все оно, как говорят архитекторы, выполнено в приятной, бежевой гамме. Повсюду игра полутонов, оттенков, во всем цехе нет ничего резкого, раздражающего глаз.

Впрочем, нет. Вы идете вдоль линии машин, взор ваш скользит по этой самой «бежевой гамме», и вдруг красное пятно — внимание! Что такое? Вращающаяся часть станка — красная, ограждающая решетка транспортера — красная; всюду, где нужно остановить человека, предупредить об опасности, возникнет красный цвет.

Добавьте к этому буйную зелень деревьев за окнами цеха, добавьте серебристый блеск хорошо отшлифованных стальных деталей машин, добавьте синие комбинезоны и белые халаты литейщиков, вспомните, наконец, о веселой игре огня, который багряными, золотыми, оранжевыми бликами оживит небесно-голубой свод и облачно-палевые стены, — и вы получите полное представление о богатстве красок в литейном цехе Энского Центролита.

Последний вопрос: как вы относитесь к черному цвету? Говорят, мрачен... Архитекторы не согласны. Чепуха это! Черный цвет, когда его немного, очень красив. Так что и он нам пригодится — подчеркнет строго красоту поточных линий, отнюдь не нарушая общей гармонии...

Я слушаю споры архитекторов и думаю о том, что ведь, в сущности, все это удивительно. Древнее искусство — зодчество, тысячелетиями изменяется его возраст. Вся планета обстроена дивными творениями: дворцами, храмами, пагодами, башнями, театрами. А

вот об эстетике кузниц, ткацких мануфактур, литейных цехов, заводов, фабрик, в которых большая часть человечества проводила большую часть жизни, никто не задумывался. В самом деле, когда это было, чтобы строители заводов спорили о «полутонах», о «цветовой гамме»? Черт возьми, может, вообще впервые в мире такие слова, как «эстетика» и «гармония», произносятся применительно к заводскому цеху! Да еще к какому цеху — литейному, самому грязному, самому «чумазому».

Для того, чтобы это стало возможным, понадобилась революция в технике, освободившая литье от копоти и пыли. Но это не все. Должна была произойти революция в обществе — великая революция, освободившая труд.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

— Нет, — сказал Виктор Михайлович Шестопап, — все-таки в ваших репортажах нет самого главного.

По давней журналистской привычке я показывал своим героям все, что вы прочитали сейчас. Они дружно наводили критику, нашли в моих записях кучу технических ошибок, которых вы уж не найдете: я исправил эти места. А потом вдруг огородил меня Шестопап.

— Да-да, — говорил он, — завод у вас сочинен, посажен на землю, оснащен машинами, даже окрашен. Осталось как будто прибить повсюду таблички «Не курить», и можно открывать Энский Центролит. Но главного у вас все-таки нет.

Я потребовал объяснений.

— Пожалуйста, — сказал Шестопап. — Перенеситесь мысленно в 1929 год. Степь, жара, солнце в зените. По проселку едет машина, старенький «фордик», пыль за ним столбом. В машине Александр Сергеевич Иванов, заместитель главного инженера, мистер Колеман из Остин-компании, эксперт и я. Они едут выбирать площадку для Горьковского автозавода. А позади бегут крестьяне из окрестных деревень — босоногие мальчишки, девочки, парни, бабы, мужики.

Мистер Колеман улыбается. Мистер Колеман смеется. Мистер Колеман просит остановить

машину. Толпа тотчас окружает нас. Ближе всех оказывается джий дед с рыжей бородой. «Спросите у него, что он умеет?» — говорит мне Колеман (я у него за переводчика).

«Дедушка, кем вы работаете?»

«Я? Топором».

«Плотник», — перевожу я американцу.

Он усмехается:

«Я так и думал. Они никогда не имели дела с металлом. И, конечно, наш «форд» — первый автомобиль, который они видят».

Должен вам сказать, что Александр Сергеевич Иванов — человек обаятельнейший, вежливый, милый. Но тут я заметил, как потемнели его глаза.

«Передайте мистеру Колеману, — сказал он, — что вокруг нас стоят рабочие. Они будут собирать автомашины. И этот самый дед станет первостатейным кузнецом».

Иванов ошибся. Рыжий дед стал у нас одним из лучших модельщиков в литейном цехе. Но в остальном все было правильно: жители этих деревень и стали нашими рабочими, из них вышли хорошие мастера...

— Виктор Михайлович, — сказал я, — вы требуете невозможного. Как же я могу описывать рабочих Энского Центролита, когда...

— А без людей завод мертв, — сказал Шестопап.

— Но я пишу репортаж, а не роман и не повесть.

— И все-таки люди — главное, — повторил Шестопап.

...Я много думал над этим. Я согласился с ним. Да, без людей завод мертв. Но «сочинять» рабочих Центролита я не могу, не имею права. Как тут быть? Кажется, есть только один выход. Вы, друзья мои, дадите жизнь этому заводу будущего. Вы — больше некому. Вы молодые, учитесь сейчас в восьмом, девятом, десятом классе. Сколько лет вам будет в 196... году? Девятнадцать? Двадцать?.. Самое время решать свою жизнь.

Если кто-то из вас, прочитав эти репортажи из будущего, решит, что быть «огненным дел мастером» — стоящее дело, я с чистой совестью смогу сказать, что на Энском Центролите будут люди живые, интересные, образованные, смелые, настоящие энтузиасты.